Рафаил Смолкин
КНИГА ЖИЗНИ
часть первая

Рафаил Смолкин

Книга жизни (сборник)

«Accent Graphics communications»

2016

Смолкин Р.

Книга жизни (сборник) / Р. Смолкин — «Accent Graphics communications», 2016

Еще Рейхенбах заметил, что прошлое «хранится в нашей памяти как нечто такое, что однажды наполняло наш опыт в качестве непосредственного настоящего». Без понимания этого факта люди бредут в потемках по жизни, совершая одни и те же ошибки. А тут еще большинство людей лживы и завистливы. Мир в паутине тотальной лжи, зависти и коррупции, и никто не в состоянии из этого вырваться. И лгут больше всех правители-сильные мира сего. И негде человеку от всего этого спрятаться. И каждый бьется в паутине. И над всем этим кошмаром священнослужители, укравшие и присвоившие себе право говорить и действовать от имени бога. И в каждой стране сонмы виев, открывающих глаза народу на правильный путь.Ничто не меняется. Культура с постоянной скоростью деградирует на радость толпе. И неоднократно испытывал бог сынов человеческих. И показал, как просил его Екклесиаст, какие они животные, и даже хуже животных.Но не внемлет богу человечество. А только продолжает человек орудовать ножом. Не верьте словам человека, а только поступкам. Поступки, в отличие от слов, не врут.

© Смолкин Р., 2016
© Accent Graphics communications, 2016

Содержание

Вместо предисловия 7
Книга жизни 8
Поехали. Детские годы и юношество 11
- Ранние воспоминания 11
- Видения или действительность? 12
- Первые опыты 13
- О любви к демократии еще в детском возрасте 14
- Быстрое решение 16
- Начало серьезной учебы 17
- Магия книги 19
- Стремление к справедливости 20
- Фрагменты из моего дневника, с описанием событий немного нарушающих, их хронологическую последовательность 22
- Осознание понятия национальности 24
- Математическое описание процесса брожения и величайший ученый всех времен и народов Иван Израилев 28
- Процесс брожения и катализаторы 32
- Картины детства 34

Отдельные фрагменты жизни 36
- 1. Жена врага народа 36
- 2. Формирование характеров 37
- 3. Милиционер и первый протест ребят с нашей улицы против него как представителя власти 38
- 4. Перепись животных 40
- 5. Абрам и друг детства Колька 42
- 6. Краб 43
- 7. Желание быть русским 44
- 8. Игра в казаки – разбойники 47
- 9. Быт 48
- 10. Купание в жаркие летние дни 50
- 11. Наш сосед Федор Петрович 51
- 12. Степан 52
- 11. Школа 54

Смерть Сталина 63
Трудности реализации у народа тяги к культуре 67
Отношение к умершим по национальному признаку 69
Еще неосознанное, но глубокое понятие национальности в младших классах 70
Разочарование в теории Дарвина. Макашовы 71
Картины детства 72
Быт и американские подарки 73
Денежная реформа и повышение жизненного уровня 74
Евреи в младшем и среднем школьном возрасте 75
Немного о Сталине, евреях, барахолках, орденах и медалях 76
Барахолка 78
Приобщение к культуре после просмотра фильма 79

Домашний быт 80
Любовь 81
Попытки осмыслить жизнь. Смешение времен 82
От автора 85
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Рафаил Смолкин
Книга жизни

Accent Graphics Communications, Montreal, 2016
© 2016 Рафаил Смолкин

* * *

Светлой памяти моих родителей: отца Смолкина Давида Ефимовича, Матери Смолянщкой Розы Марковны и моего сына Смолкина Эдуарда

Вместо предисловия

Я сел за написание книги. Возраст и отсутствие опыта в новой для меня области порождали неуверенность. Я показал первые рассказы моему младшему сыну Михаилу, мнение которого для меня было крайне важным. Он посоветовал продолжить повествование.

Сейчас завершенная книга перед тобою, читатель, и ты можешь сам судить, правы ли были я и мой сын. В последний момент я в большинство мест книги внес упрощение, заменив большинство имен героев в рассказах на мое собственное. Мне показалось, что так будет лучше. Да и претензий не будет ко мне никаких, разве что только у меня к самому себе.

Книга жизни

Господь помог мне написать эту книгу. В ней, если есть что-то хорошее, то это от него. А, что в книге плохого, то от меня все это, от меня

На последнем пороге
Не прощаясь стою,
Я на этой дороге
Башмаков не собью.

Роберт Фрост «Последнее»

Истории бурлящая вода
сметает все преграды и плотины,
а думать, что течет она туда,
где лучше – перестали и кретины.

И. Губерман «Гарики»

Джордж Байрон! Он был молодой красивый, богатый и талантливый.
И он был – пессимист!
А ты – старый, нищий, уродливый и бездарный!
И ты – оптимист!
С. Довлатов «Записные книжки»

Прошлое никогда не возвращается, оно неизменно, недоступно никакому контролю со стороны того, что приносит нам будущее, и все же оно хранится в нашей памяти как нечто такое, что однажды наполняло наш опыт в качестве непосредственного настоящего.
Г. Рейхенбах «Направление времени»

«Непривычно много эпиграфов, – скажет искушенный читатель. – А не достаточно ли будет одного?» Но цель моих эпиграфов не только пояснить идею произведения, но и создать определенный настрой и одновременно подарить читателю удовольствие от их прочтения, так как они заимствованы у профессионалов.

Авось потом, проглотив эти несколько изречений, ты не заметишь, дорогой читатель, что начал читать мое сочинительство и продолжишь получать, но уже от его прочтения, такое же удовольствие. И в этом тоже цель, пусть и не главная, в использовании сразу нескольких эпиграфов. Тебе решать, читатель, достиг я цели или нет.

* * *

Нечестный писатель никогда не добьется высокого признания. Люди любят честных писателей, потому что именно такие писатели обладают качествами, которые отсутствуют у людей. Если бы большинство людей в мире было честными, мир был бы совершенно иным.

Истина состоит в том, что честные люди давно занесены в красную книгу, и никто в мире не знает, сохранились ли они хотя бы в виде отдельных особей.

(Из собственных мыслей или глинобитной дощечки, найденной возле моего дома. Уже не помню, откуда я это взял).

С чего начать? Ах да! Будучи еще мальчиком, я задумал написать книгу. И много тем было у меня в голове, которые могли бы привлечь внимание читателя. И **это обстоятельство настолько затруднило выбор,** что прошло что-то около 60 лет с того времени, пока я определился и решил вернуться к этому вопросу.

С той поры много разных событий случилось. А самое главное, я понял, что актуальность данного вопроса может пропасть сама собой. Ведь так мало осталось жизни, отпущенной мне. Да и осталось ли?

Теперь мною владел только соблазн попасть в книгу рекордов Гиннеса: стать старейшим начинающим писателем. Подумав немного, я добавил еще не полностью остывшее честолюбие…

Мы живем под псевдонимами, то есть именами, данными нам в виде сочетания звуков при рождении, **и уходим из жизни с этими именами-псевдонимами, так и не познав,** определяют ли они хоть в какой-то степени нас самих как таковых.

Так мы привыкли к своему имени и слились с ним в единое целое, что стали воспринимать собственное имя как нечто, определяющее нас самих. Мы приходим в этот мир без настоящего имени, и уходим из него без имени.

Ушла какая-то «особь», которая жила в этом мире под условным сочетанием каких-то букв, определявших звуки. И на эти звуки особь при жизни откликалась.

В потемках мы бродим по этому миру и выпадаем из него в полное ничто, которое не имеет никакой сущности: ни виртуальной, ни… никакой…

Так кто же мы есть на самом деле?

Иное дело Бог. Только один Бог знает свое настоящее имя. Но мы настоящее имя бога тоже не знаем, настоящее имя бога, определяющее его как такового. Нам не дано узнать ни его мыслей, ни его понимания сути вещей, ни его имени, ни истины, Мы создаем образы Бога, не зная даже, чему они соответствуют.

Разные народы вкладывают в понятие сущности Бога свое понимание. Со временем они настолько привыкают к своему определению Бога, что даже от его имени начинают говорить и приписывать его намерениям свое толкование, и критиковать определение бога у других народов.

*** * ***

В Иерусалиме стоял теплый день. Замерло движение машин. Был Йом Кипур.

Стояла такая тишина в этом, обычно шумном городе, что, казалось, был слышен шелест тех страниц, что листали ангелы перед Богом, страниц с описанием жизни и именами людей, еще живущих на Земле и ожидающих решения своей участи на предстоящий год. Замерли и прислушивались к шелесту страниц даже атеисты, ожидая небесных знаков и звуков. Все ждали решения своей судьбы.

День медленно тек и лишь с наступлением темноты все вздохнули с облегчением. Все пришло в движение. Оживились все: и те, кому предстояло прожить год до следующего судного дня, и те, кому предстояло умереть в текущем году. Жизнь быстро входила в свою обычную колею.

Зажглись на небе звезды. Подул прохладный ветер из пустыни. Какие-то невидимые нити, как показалось мне, связали меня с Богом – этим невидимым и непостижимо высшим началом всех начал. Я страстно задавал ему вопросы и получал ответы на них. Отвечало ли

на эти вопросы мое собственное раздвоенное я, которое всегда жило во мне подсознательно или сам Бог?

Я договаривался с Богом или с собственным вторым я, казавшимся мне Богом, о выполнении моих желаний, и сам же подвергал сомнению эти договоренности.

Для меня давно не было сомнения в том, что мы творения мысли кого-то, кого мы называем богом, несоизмеримого с нами ни по интеллекту, ни по глубине чувств, ни по восприятию и оценке всего происходящего, ни по другим показателям. И появление любого шедевра на земле в любой области человеческой жизни обязано этому богу.

А наша жизнь всегда напоминала мне решение задачи с начальными условиями, определяющими буквально все наши поступки, мышление и все остальное. Попытки вырваться из всего этого приводят в жизни только к катастрофам, а следование решениям задачи ведут к повторению одних и тех же ошибок. И никакие заклинания не помогают нам преодолеть эти барьеры.

Рядом с нами существует другая невидимая нами жизнь. Она не поддается изучению. Она только позволяет обнаружить ее существование. И все…

Так думал я…

И вдруг очень яркие и четкие картины моей жизни встали передо мной, начиная с детства. Было ли это на самом деле так? Исчезнувшие чувства, и казалось уже стертые в памяти события давних времен, ожили во мне. Были ли они схожи с теми, что я когда-то испытывал? Но времени на раздумья не было, и я схватился за клавиатуру компьютера и начал писать. Я не могу объяснить, почему я сделал это. Но это произошло…

После операции на открытом сердце, начался новый отсчет времени. Каждый удар сердца отдавался в ушах. Я мог определять пульс, глядя только на часы. Я как бы слышал: торопись, торопись, торопись… Я намечал себе планы на каждый день, но не выполнял их…

Поехали. Детские годы и юношество

Ранние воспоминания

За окном стояла жара. Сквозь пыль едва пробивалось солнце. Опять в Израиле хамсин…

Я помню себя впервые прохладным утром на Волге в России. Я и отец шли мимо кинотеатра, на одной из стен которого висела афиша фильма о Кащее Бессмертном.

Я спросил у отца: кто такой Кащей Бессмертный? И впервые услышал, что это некое существо, которое живет и будет жить всегда, в отличие от людей, которые все рано или поздно умрут. Смерть это такое состояние человека, когда он навсегда перестает ощущать себя. В этом состоянии он ничего не чувствует. Человек перестает существовать. Его не существует.

Я получил некоторое понятие о смерти и испугался состояния небытия, в которое человек впадает после смерти. Получив в качестве подарка жизнь и ощущение себя как такового, я не хотел со всем этим расставаться.

На мои испуганные вопросы: почему это произойдет и со мной и как скоро, отец заметил, что умру я не скоро, долго еще будет продолжаться моя жизнь, поэтому об этом не стоит пока думать.

Но, что такое смерть я не понял, и, скорее всего, ощутил это как нечто нежелательное. Едва успев осознать себя и окружающее меня, как реальность, я должен был одновременно понять и почувствовать, что праздник жизни не будет продолжаться вечно.

– Ты веришь сынок, – сказал мой отец, – жизнь моя пробежала как один миг.

И я, будучи четырехлетним мальчиком, вдруг это понял, и пронес сквозь годы первично полученное ощущение быстротечности жизни.

Видения или действительность?

Лес, в котором я прогуливался, состоял большей частью из сосен, медленно умиравших от непривычного для них жаркого климата Израиля.

В годы эвакуации, во время войны с немцами, мы жили в России в городе на Волге, куда приехали с Украины. На первых порах жили в бараке. Память раннего детства, сохранила яркие картины природы тех мест.

Наш дом стоял вблизи леса. При наступлении сумерек и, особенно ночи, я видел разные, ни на что не похожие существа, снующие вдоль леса или выходящие из него. Эти странные призраки пугали меня.

Взрослые говорили мне, пытаясь рассеять мои видения, что мне все это только кажется. Но я всем нутром ощущал реальность существования этих видений. Я ясно видел то, чего не видели другие.

Под потолком нашей комнаты проходили две параллельные балки, насквозь пронизывающие комнату, в которой жила наша семья: я, отец и мать.

Однажды, проснувшись ночью от какого-то шума, я увидел, как по балкам едут подводы. Маленькие мужички в тулупах погоняют маленьких лошадей. На подводах сидят женщины. Все красочное, живое, маленькое и настоящее. Жизнь бурлила.

Все это выезжало из стены соседней с нами квартиры по балкам и достигнув противоположного конца, уезжало сквозь стену в другую квартиру.

Новые бесконечные ряды подвод, запряженные лошади, мужики, женщины, дети и собаки, бегущие рядом с подводами, появлялись и исчезали за стеной.

Я как завороженный смотрю на это действо, пытаюсь разбудить родителей, но они не реагируют на мои призывы. И вдруг речь мою и движения парализовало. Я впадаю в какое-то новое состояние, в котором я не могу ни пошевелиться, ни что-то сказать. Я парализован, онемел и продолжаю уже с испугом следить за этими событиями, не в состоянии даже пошевелиться.

Через какое-то время, я вновь возвращаюсь в обычное состояние и прихожу в себя. Ночь прошла, исчезло движение по балкам, и начало светать.

Я пытаюсь родителям рассказать о событиях минувшей ночи. Но они отмахиваются от меня, считая, что все это я сочинил. А я не могу избавиться от чувства реальности всего происходившего со мной тогда даже сейчас.

Первые опыты

Лес в Йокнеаме был не густой. Но самое главное заключалось в том, что, казалось, в нем не было такого места, в котором не было людей. Даже в самом уединенном месте: с дерева, откуда-то и из-за чего-то еще, а то и просто сверху, появлялся или падал человек.

Еще в раннем детстве я испытал радость исследования и познания.

Мама принесла с рынка сельдей. Я взял одну в руки. Она была как живая. Выяснив, что она живет в воде, я налил воду в кастрюлю и положил селедку в воду. Но она не оживала.

Родители пытались убедить меня, что мертвые не оживают. Наука это подтверждает и говорит, что происходят необратимые процессы, и когда кто-то умирает, дороги назад к жизни нет. Но все доводы родителей были бесполезны и не действовали на меня. У меня не было каких-либо обоснованных возражений, я просто хотел убедиться в этом сам.

Я ждал оживления рыбы и удивлялся, что селедка оставалась недвижимой…

У меня были на это основания.

Разве наука в древности не показала в вопросах оживления из мертвых чудеса, и не находилась на более высоком уровне, чем современная? То, что удавалось сделать в достаточно древние времена, теперь было утрачено. Древние реаниматоры превосходили в искусстве оживлять все известное. Возьмите хотя бы воскресение Христа.

А другие потрясающие примеры, которые из древней истории пересказывала мне мама?

И только позднее ко всему говорившемуся и описываемому людьми, я стал относиться со скептицизмом и недоверием.

Но я забежал вперед.

От автора. В этом месте я вынужден прервать почти «стройный» ход мыслей моего героя.

Как автор этой книги, я уже столкнулся с тем, что хронологическая последовательность описываемых событий нарушается, и логика частенько хромает. Я попытался сначала все это исправить.

Но вскоре понял, что мне это не по силам. И я решил: будь что будет, все оставить так, как есть. Иногда я буду Давидом, а иногда и самим собой, то есть Ральфом, а иногда я – это не я сам. Но какая тебе разница, читатель. Ты догадлив, и все сам поймешь.

О любви к демократии еще в детском возрасте

Наступила прохлада, но она не принесла долгожданного облегчения. Заныла, чувствительная, даже к небольшому понижению температуры воздуха, после операции на открытом сердце, рука.

Один человек проворовался, но его поймали. Завели в дом. Вокруг дома собралась толпа и стала ждать, что сделают с вором. Прошло какое-то время, и из дома вышел весь сияющий вор. Его обступили любопытные.

– Ну, что с тобой там делали? – вопрошали они.

– Да ничего особенного, – отвечал вор. Посадили за стол, налили полную миску жидкого дерма и заставили есть.

– И ты ел? – полюбопытствовали некоторые.

– Да нет, отвечал, улыбаясь, вор, – так, кое-что выбрал.

Народный анекдот.

Когда-то в детстве, я испытал настоящее счастье. И как ни странно это событие связано с почти демократическими выборами в Верховный Совет СССР.

Непосредственно перед процедурой голосования родители привели меня в детскую комнату избирательного участка, оставив там играться. Сами они пошли отдать, как тогда говорилось и писалось, добровольно свои голоса за блок коммунистов и беспартийных.

Я как-то подслушал взрослых и понял, что на избирательном участке нужно просто опустить какие-то бумажки-бюллетени в ящик, который зовется урной.

Я раньше слышал, что еще одно назначение урн: служить последним пристанищем для праха кремированных после смерти людей.

После того, как бюллетени опустят в урны, и голосование закончится, их, в отличие от праха, повторно извлекают и подсчитывают голоса избирателей: кто – против, а кто – за.

Заботясь о своем народе и упрощая всем процедуру голосования, партия коммунистов определила заранее кандидатов, которых нужно избрать. Если ты не согласен с кандидатами партии, ты можешь их зачеркнуть и поставить фамилии нужных тебе людей. Очень демократично.

После подсчета голосов, партия сообщала, нетерпеливо ждущему результатов голосования народу, что 99,9 % этого народа отдали свои голоса за назначенных партией кандидатов в депутаты от блока коммунистов и беспартийных.

Особенно ждали результатов выборов во враждебных СССР странах, ибо там заключали пари: проголосует ли 99.9 % народа за назначенных партией депутатов, или эта цифра, по крайней мере на 25 % избирательных участках, составит 99,8 %.

Позднее, как это ни странно, я понял, что именно эта форма голосования подходит народу. Ибо народ, никем не понукаемый, теряется и не в состоянии решить за кого голосовать, особенно при большом количестве кандидатов, и может попросту, как говорят, напороть, избрав либо идиотов, либо казнокрадов, либо бандитов, либо прочий хлам.

Уже тогда я все понимал и был восхищен самими выборами и их результатами.

Но была еще одна и более основная причина радоваться выборам. Еще бы! На избирательном участке, к которому были прикреплены мои родители, как я уже упоминал выше, была специальная комната для детей, в которой, озабоченные за кого бы проголосовать, избиратели могли оставить своих детей.

После чего избиратели, погруженные в раздумья об избираемых депутатах и ничем не отвлекаемые от принятия решения, направлялись в комнату, где, получив по паспортам бюл-

летень с фамилиями избираемых депутатов, направлялись к урне и совершали обряд голосования, бросая в нее бюллетень.

Иногда они в экстазе и порыве любви вписывали в бюллетень слова признательности и любви к учителю и вождю всех народов, товарищу Сталину и коммунистической партии.

Но вернемся к детской комнате, в которой оставили меня родители. В комнате для детей было столько игрушек, что глаза разбегались. И когда меня пришли забирать родители, я не хотел уходить. И меня по договору со взрослыми, которые в тот момент дежурили в детской комнате, оставили еще на какое-то время. Но и по прошествии этого времени, я опять не хотел уходить из детской комнаты.

Шла война с немцами. У меня дома не было никаких игрушек. Я не хотел покидать, превратившийся для меня в подобие рая, избирательный участок.

Выборы мне очень понравились, и я хотел, чтобы они были каждый день и всегда. Для тех, кто ничего не понял в этом эпизоде, я вынужден дополнительно сообщить, что самое главное в нашей жизни – это первое впечатление.

Мне лично очень понравились выборы, хотя может быть и не очень демократичные. Как я понял глубоко, но значительно позднее, мое первое впечатление было мое самое верное.

И, если подумать хорошо, это был действительно очень умный и неглупый вывод, который я сделал в детском возрасте.

Хочу сообщить вам, читатель, что именно первое поверхностное впечатление и верно. Именно в нем истина. Ведь чем больше человек рассуждает, тем к более неправильным выводам он приходит. И именно в этот момент его ловят политиканы, подсовывая никчемных людей.

И тогда созревшие избиратели, то есть, народ, выбирают Гитлера, Хамас или, что не менее смешно: Ольмерта или Шарона демократическим путем.

Итак, я запомнил тоталитарные выборы, как один из радостнейших дней моего детства. И в этом меня никто не переубедит. И только такими выборы должны быть.

Позднее я понял более глубоко значение выборов. Принять участие в выборах в любом обществе – это в лучшем случае, кое-что выбрать.

От автора. Я всегда замечал в моем друге этакую самоуверенность. Не уважает он никакой народ. Нет, не совсем правильно я выразился. Не верит он в мудрость народную. А ведь все мы учимся, а научившись, радуемся, как говорил кот у Нацумэ. Я некоторое время пытался сформулировать – чему радуемся?

Быстрое решение

Средиземное море в Хайфе всегда волнуется. И это мешает сосредоточиться при прогулках вдоль берега.

Наши решения зависят от обстоятельств. Именно обстоятельства подталкивают нас к важным решениям и действиям.

Я гулял зимой возле дома и повстречал пленного немца. Их было много, живущих в лагере, расположенном в овраге вблизи леса и невдалеке от нашего дома.

Во время работы пленные немцы, изготавливали, неизвестно каким образом, копилки, зажигалки и другие безделушки и слонялись по улицам, пытаясь продать их или выменять у жителей на еду.

Я подошел к немцу и крикнул, ничего не понимая в этих словах:

– Гитлер капут!

Он оглянулся по сторонам и бросился за мной. Я от него. Но в этот момент показалась группа взрослых. Немец остановился и быстро направился в другую сторону.

Я так и не понял, хотел ли он согласиться при более близком контакте со мной с моим тезисом о Гитлере, или наоборот возразить мне.

Но главное, что я понял: происходящие события вынуждают нас принимать быстрое решение, возможно, не всегда правильное.

Начало серьезной учебы

Поезд шел полным ходом, а я восемнадцатилетний молодой человек висел на подножке, держась за одни поручни вагона. Меня обдувал ветер.

И вдруг, в этом нелепом положении, я вспомнил, как в шести – семилетием возрасте я посетил вечером моего приятеля. Но его родители решили выпроводить меня по неизвестным мне причинам.

Они начали подмигивать друг другу, а мне говорить, что меня, как им кажется, искала моя мама. При этом они ласково и заботливо глядели на меня. А мне стало почему-то стыдно и неприятно и за их глупость, и за то, что меня выпроваживают.

Как следствие этого, я навсегда сохранил в жизни недоверие к людям, и часто искал двойной смысл в высказываниях людей и не верил в их порядочность и честность.

Самое простое и ясное в жизни, усвоенное чуть ли не с пеленок, оказывается впоследствии самым сложным. Почти все знают, что положительный и отрицательный электрические заряды притягиваются друг к другу. Но никто не знает почему.

Следствием каких процессов и взаимодействий внутри человека являются любовь и влечение к противоположному полу? Предвосхищая вопросы оскорбленных гомосексуалистов, лесбиянок и т. д. сразу же утешу их, что случай их любви еще более сложный для понимания.

Еще будучи четырехлетним мальчиком, я услышал от плохо воспитанного мальчика из неблагополучной семьи, что некая Ляля, которую он считал красивой девочкой, сегодня вышла гулять из дома без трусов. Мальчик, который был старше меня на пять лет, предложил мне задрать у Ляли платье.

У меня это предложение вызвало противоречивые чувства. Я подсознательно понимал, что это делать плохо. С другой стороны мне хотелось завоевать авторитет у старшего, чем я, мальчика. Да и мне самому неожиданно вдруг стало очень любопытно увидеть то, что было под платьем у Ляли. Я вдруг впервые обратил внимание, что девочки и мальчики одеты поразному.

Я подошел к ничего не подозревавшей Ляле и, глупо улыбаясь, задрал ей платье. Трусиков на Ляле не оказалось, но то, что открылось моему взору было неинтересным: какое-то продолжение живота и начало ног. Я был разочарован.

На плачь Ляли, прибежали ее, а потом и мои родители. Наказание последовало незамедлительно. И единственное, что я вынес из этого случая, так это то, что сила наказания, в данном случае, значительно превышала для меня значение знаний приобретенных опытным путем. То есть в полном соответствии с Экклезиастом:

– Увеличивающий свои знания, увеличивает свои страдания.

Но, к сожалению, Экклезиаста я прочел в зрелом возрасте, поэтому приходить к таким сложным выводам приходилось интуитивно и с помощью экспериментов, не всегда корректно и правильно оцениваемых взрослыми.

Но опыт оказался весьма поучительным и полезным. И в дальнейшем всегда, прежде, чем начать экспериментировать, я сначала пытался определить пользу от приобретения тех или иных знаний.

После эксперимента с Лялей, я начал рассуждать. Почему это место под платьем у Ляли, не интересовавшее меня до проведения опыта, вдруг непонятно почему, начало меня занимать. Более того! Во мне вдруг проснулось большое желание увидеть это место у взрослой женщины. И это было для меня гораздо интереснее, чем увидеть это место у маленьких девочек.

Однако практическое удовлетворение этого интереса, из-за ряда технических сложностей, затянулось на многие годы.

Сейчас, для современных детей среднего возраста, поднятый мной вопрос покажется смешным. Прогуливая уже более, чем в зрелом возрасте, в ночное время своего пса, я с удивлением заметил, как мальчик лет одиннадцати со знанием дела шарил руками в интимном месте у девочки, сидящей у него на коленях. Я был восхищен прогрессом в удовлетворении любознательности детей в познании того, что заинтересовало случайно меня в детском возрасте, но так и осталось тогда неизученным.

В оправдание своему запоздалому развитию укажу несколько причин: отсутствие в мои годы телевидения и другой информации: картинок с голыми женщинами и других пособий по этому вопросу. Любознательным людям добывать знания приходилось по крупицам путем созерцания натуры, что в моих условиях оказалось не простым делом.

Вывод, к которому я пришел, состоял в том, что случай оказывает большое влияние на формирование и усиление нашей тяги к знаниям в ранние годы.

Магия книги

Я до сих пор помню многие картины детства.

Иногда, будучи взрослым человеком, я рассказывал своим родителям о событиях, которые происходили у нас, когда я был совсем маленьким. Они давно забыли эти события и вспоминали их после моих рассказов. По их оценкам, эти события произошли, когда мне было два-три-четыре года. Тем не менее, я отчетливо помню эти события до сих пор.

Теперь ты понял, читатель, с каким весьма умным человеком имеешь дело.

Я, как сейчас, вижу маму, читающую мне книжку. Это были разные книжки, которые можно было взять в неплохой, тоже эвакуированной вместе с заводом, библиотеке. Основное, что я узнал в детском возрасте от мамы и запомнил на всю жизнь – книга является наивысшим изобретением и достижением ума человека.

Книга это все. Она является самым лучшим подарком для умного и интеллигентного человека. Эти простые слова я в детстве только запомнил, а смысл их я понял гораздо позднее уже в школьном возрасте.

С течением жизни это определение книги только укрепилось во мне.

Я сразу понял, что немцы это варвары, когда увидел, как они сжигают книги. И то, что они ходили по улицам не нагишом, объяснялось только климатическими условиями.

Наш семейный бюджет был весьма скромен и не позволял приобретать что-либо без крайней необходимости. И если мои родители отрывали какие-то гроши и покупали мне книгу, для меня это был праздник. Праздник длился много дней, а сама новая книга спала со мной все это время рядом. Когда я просыпался и видел книгу рядом с моей подушкой, счастье, приподнятое настроение и радость наполняли меня.

И сейчас мой взгляд, случайно брошенный на любимую книгу, может вызвать целую гамму переживаний. С течением многих лет, я забыл многие подробности любимых мною когда-то книг. Я не перечитываю их, чтобы не менять своих ощущений, которые я испытал при их прочтении. И эти ощущения и сейчас возникают у меня, когда я прикасаюсь к давно прочитанной книге. Со временем эти ощущения переплелись между собой во мне и стали моей душой.

Стремление к справедливости

Я рос в семье, где честность во всем была заповедью, которую необходимо было соблюдать в любых ситуациях.

Я тоже старался соблюдать эту заповедь, хотя и пытался иногда ее по-своему интерпретировать. Удивительно, еще не будучи знакомым с трудами Маркса, я позднее обнаружил, что мое детское понятие справедливости почти полностью совпадало с понятием справедливости у него.

Когда я находился в возрасте 3–4 лет, мне казалось, что в жизни многое необходимо исправить. Так, например, у маленького мальчика Аркадия, или Аркашеньки, как его звали родственники, было все. То есть у него было много (по тем временам) настоящих игрушек, а у меня только две резиновые: медведь и слон. Остальные игрушки у меня были самодельные, и о их назначении и функциях, которые они могли выполнять в играх, знал только я. Догадаться о их назначении, без моей подсказки, было просто невозможно. Это были какие-то куски различных материалов: дерева, металла, а также сломанные ложки и прочие остатки посуды или инструмента.

И я решил поделиться игрушками с Аркашей, то есть незаметно забрать в процессе игры, некоторые из его игрушек себе, реализовав справедливую коммунистическую мысль: всем поровну. Мне это удалось незаметно осуществить в процессе игры.

Дома мама обнаружила чужие игрушки и пришла в ужас. Мы тут же пошли к Аркаше и вернули игрушки. Его родители стали успокаивать маму, говоря, что чего не случается с детьми.

Увидев, как мама расстроилась, я решил больше не делать этого. Вместе с тем я впервые задумался о неравенстве. Что нужно делать, чтобы у меня было игрушек не меньше, чем у Аркаши?

Я не был знаком с трудами Маркса и Ленина. Но знал, что справедливость, по их утверждению, достигалась борьбой неимущих классов с буржуазией, конфискацией их частной собственности и разделом ее поровну между неимущими.

Сформулировав эти простые принципы, Маркс и Ленин не учли, что делить это будут люди, которые, понимая, что на них лежит особая ответственность, львиную долю будут вынуждены забирать себе за эти труды. Особенно это относится к тем сложным случаям, когда вещь, подлежащая делению, ценна и существует в одном или нескольких экземплярах.

Большинство людей сохраняет наивную тягу к переделу по коммунистическому принципу, попросту воруя. В этом случае они подлежат поимке и осуждению на различные сроки тюрьмы. При воровстве в особо крупных размерах, удачно воровавшие и талантливые в этом деле люди, переходят в разряд предпринимателей, а особо удачливые становятся олигархами.

Я до сих пор жалею, что не стал предпринимателем, не развил способность к справедливости и не приложил все силы и таланты, чтобы принять участие в более поздние годы грянувшей перестройки, при дележе государственной собственности.

Вообще мне нравится становление демократии в странах, которые до ее установления имели тоталитарные режимы. Гражданам страны в один прекрасный момент сообщают о том, что в стране наступила демократия и можно говорить, не опасаясь арестов. Многие не знают, что делать со свалившимся на них счастьем, так как неожиданно впадают в состояние прострации и не знают, о чем бы интересном и недозволенном можно говорить.

Их стараются всеми средствами раскрепостить, показывают голых женщин, по внешнему виду которых истосковались широкие слои народных масс и интеллигенции. Широким фронтом показывается порнография, и пока массы наслаждаются голым видом красивых и разнообразных женщин в различных позах и дышат полной грудью, свалившейся на них демократией,

их незаметно переводят на новые рельсы экономики. Производство почти останавливается, и в условиях остановившегося производства за считанные месяцы появляется отряд предпринимателей, капитал которых выражается астрономическими цифрами.

Мой близкий друг и величайший ученый Иван Израилев провел физическое моделирование процесса приватизации и возникновение в результате бизнеса у определенного круга предпринимателей астрономических капиталов.

Как он мне заявил, расчет показал, что, если бы многие олигархи получили станки для печатания денег, то за столь короткое время они не смогли бы напечатать столько денег. Наличие печатных станков не позволило бы новоявленным предпринимателям, как они любят говорить, заполучить за короткий срок такие огромные деньги. Следовательно, механизм приобретения огромных капиталов был другой.

Результаты приватизации можно объяснить, если допустить мысль, что некоторым индивидуумам пришлось брать себе в собственность прямо промышленные объекты: заводы, нефтяные скважины и т. д., чтобы спасти их от разграбления менее сознательными людьми. Только так можно объяснить огромные размеры капиталов, оказавшихся за столь короткое время в частных руках, не имевших реальных денег для их приобретения. Во всяком случае, я стою за демократическую приватизацию, так как она позволила осуществить передел собственности почти бескровным путем.

Отдельные убийства демократических приватизаторов не идут ни в какое сравнение с кровавыми оргиями, которые устраивали коммунисты при переделе собственности. Я за демократию. В какие былые времена, вы, уважаемый мною читатель, видели, чтобы сам президент извинился перед народом, так и не дождавшимся плодов демократии, а вернее дождавшимся этих плодов, но понявшим, что вкус у них, как и в старые времена горек для толпы, то есть народа.

Президент, в порыве откровенности, забыл упомянуть и свое имя в качестве скромного участника демократического передела. На это у президента были веские причины: стоимость приватизированной им собственности, не шла ни в какое сравнение с капиталами олигархов. И в этом смысле он остался ближе к народу, чем к олигархам.

Фрагменты из моего дневника, с описанием событий немного нарушающих, их хронологическую последовательность

И куда меня занесло? Из детства прямо в перестройку. Хотя главную черту я отметил: передел собственности мирным демократическим путем. Пожалуй, это главное преимущество перед тоталитарными режимами всех мастей. И как ни странно, основоположником этого пути оказался Ленин.

В свое время, наблюдая полный крах экономики, один из величайших дермофилов (дермофил – любящий дерьмо) всех времен и народов (потом ниже и в другом месте значение этого термина будет разъяснено тебе читатель), задумался, как на время вылечить экономику. Все было разграблено и необходимо было создать базу для возможности нового разграбления. Ибо только в условиях постоянного грабежа, новая система чувствовала себя уверенной, а народ – радостным и веселым от непрерывных сообщений о результатах работы топора революции.

Тогда и возник НЭП и к жизни были вызваны еще сохранившиеся остатки класса предпринимателей. Они оживили экономику и создали все необходимые условия для нового разграбления.

Иногда это разграбление начинали нетерпеливые стражи революции, накидывая удавку на все, что только могло что-то самостоятельно делать или думать.

Проанализировав своего покойного пахана и его труды, Барбачев решил, что настало время апробировать НЭП в новых условиях. В верности учения пахана всех времен и народов у него не было сомнений.

Популяризируя свой лозунг, он говорил, что неплохо было бы, чтобы, например, кто-то начал разводить рыбок и продавать их, другой еще занялся бы каким-нибудь делом и т. д., т. е. он ждал от народа частной инициативы. И когда инициатива пошла, то выяснилось, что предпринимателей не осталось, остались только воры разных мастей, которых страна лелеяла во все времена, следуя невольно (генетически) старой политике.

Новоявленные и старые воры принялись реализовывать новый НЭП. Прошло немного времени, и воровство достигло невиданных доселе размахов, а вторая беда России дураки, как никогда ранее, сыграли роль катализатора нового процесса.

Но в этом месте, справедливости ради, должен заметить, что дураки и злодеи являются бедой практически каждой страны, а не только России. Поняв это, ты сможешь, читатель, по-настоящему и глубоко понять всю мировую историю в ее полной глубине и разнообразии. А самое главное: ты поймешь, почему в мире все так плохо.

Крупная государственная собственность в СНГ, а позднее, и в России, была разворована довольно эффективно под демократическую музыку. Но в одном перестройка оказалась эффективной по-настоящему: на некоторое время исчез страшный монстр СССР, приставивший нож к горлу всего человечества.

Наступили новые времена: производство фактически умерло, его реанимацией занимались только рыбки в аквариумах; демократы по-прежнему ратовали за свободу слова в условиях нищеты для народа; коммунисты завлекали одуревший народ назад в свой вчерашний рай, обещая, что отныне при отсечении головы топором или массовых расстрелах не будет больно, а щекотно; монархисты ратовали за самодержавие и православие, а некая новая гвардия с новым названием пыталась снять пенки со всех этих дермофильских течений и строить новую Россию.

Со временем эта гвардия возобновила рейсы полетов стратегических бомбардировщиков, форсировала работы по новым видам вооружений, закладывала новые субмарины и т. д.

Если говорить откровенно, то на Россию никто не собирался нападать, а, если бы и собирались, то удобнее времени, чем в перестроечные времена не найти – все, что только можно было, развалено и разворовано. Но, с другой стороны, эксплуатация старого понятия мифической внешней угрозы – нападения со стороны Запада как ничто консолидирует и дисциплинирует массы. И, если этой внешней угрозы нет, то ее надо выдумать.

Память новых правителей опять оказалась не в состоянии осмыслить, к чему это привело в недалеком прошлом. Опять возродился имперский ген, начали подготавливать условия для создания нового режима, близкого к тоталитарному. Если не непосредственно дураки, то глупое мышление опять стало брать верх, так как генетика сильнее наших желаний и стараний. Здесь я задумался. А может я не прав, и России полезнее пока иметь государственное устройство близкое к авторитарному? Но не в этом суть истины, не в этом…

Прежде, чем идти дальше, мне необходимо будет изложить мое понимание национальности и описать совершенно неизвестный до сего времени в науке важнейший **процесс на Земле и, возможно, в мире – процесс брожения, и дермофилов,** самоотверженно принимающих активное участие в этом процессе и изучающих этот процесс, не считаясь с неприятными для обычного человека запахами и методами. Это позволит читателю глубже понять дальнейшее повествование.

Осознание понятия национальности

Этому вопросу мне приходится посвятить отдельный раздел и описать события, относящиеся к разным периодам моей жизни.

Еще в раннем детстве я впервые познакомился с понятиями национальность и нация, наложившими свой отпечаток на всю мою жизнь.

Мы были эвакуированы вместе с заводом, на котором работал мой отец, в один из городов на Волге. На первых порах мы жили в бараке. Позднее мы разделили вновь полученную квартиру с главным электриком завода, весьма достойным человеком.

С первых дней проживания я постоянно слышал громкие и умные рассуждения нашего соседа по квартире о каких-то евреях, оккупировавших завод, на котором он работал. Особенностью евреев, как я понял, была полная их неспособность воевать и поэтому они окопались на заводе. Собственно воевать они умели, но кривым ружьем и из-под угла.

Сосед наш хоть и был русским, но тоже работал на заводе. Но окопавшимися на заводе были только евреи, в отличие от русских и других, которых было большинство. Этому нееврейскому большинству разрешалось героически, без всяких хитростей работать, и этот факт был, в отличие от случая с евреями, нормальным актом.

Расспросив подробнее о кривом ружье и, вооруженном этим ружьем еврее, более опытных ребят на улице (родители мои наотрез отказались обсуждать со мной эту тему), я узнал, что для того, чтобы воевать кривым ружьем, еврею необходимо спрятаться за углом, ну, например, за каким-нибудь зданием. Затем следовало выставить кривой ствол ружья за угол дома, а самому оставаться за зданием, оставаясь невидимым для противника. После этого еврей, оставаясь невидимым и неуязвимым для противника, может начинать открывать стрельбу из ружья.

К недостатку такого метода ведения боя следует отнести невысокую точность стрельбы, так как прицелиться в противника нельзя. Учитывая, что такое ружье, к сожалению, в настоящее время, несмотря на интенсивную работу евреев над его конструкцией, не создано, евреи предпочитают отправлять на фронт русских с прямым ружьем, а сами терпеливо предпочитают следить за техническим процессом, ожидая, когда такое ружье будет создано. Только за эту черту и нечестность, евреев уже можно называть жидами.

Но у евреев есть еще много и других очень плохих черт. Главной из этих плохих черт является то, что они являются евреями. Это слово, произнесенное вслух, вызывает раздражение у каждого нормального и непредвзятого к этому слову человека. Но по каким-то причинам евреев пока еще терпят, и этот момент тоже было неясен.

Я был весь вне себя от возмущения. В то время, как наш молодой русский сосед вкалывал на заводе, эти гадские евреи имели наглость отсиживаться на заводе, ожидая начала производства кривого ружья. Почему-то тогда я не обратил внимание на то, что сосед, будучи русским человеком, тоже вкалывает на заводе, а не рвется на фронт.

Позднее я понял, что русскому разрешается все: хочешь иди на фронт, хочешь вкалывай на заводе. Евреям – всем 100 % необходимо было быть только на фронте. Если это не соблюдалось, то возникало подозрение, что они хитрят. И не беда, что ты можешь быть слепым, больным или инвалидом. Иди на фронт.

А в случае, если бы они евреи, от мала до велика, все пошли на фронт, то возникло бы более глубокое подозрение, что они не хотят работать. Вам когда-нибудь задавали вопрос: для чего люди целуются? Ради развлечения или ради удовольствия? (независимо от варианта Вашего ответа, вам говорят: поцелуй меня в зад). Грубо? Но зато достаточно понятно. Позднее я понял, что в случае евреев, это тот же случай.

Ну а тогда я выбрал несколько другой путь. Надо ли говорить, что отныне всех ребят по играм, которые жульничали или нечестно поступали в других ситуациях, я называл жидами. Услышав однажды, случайно, мои умные рассуждения о евреях на улице, мама забрала меня домой и, усадивши на стул, начала допытываться об источнике моих столь глубоких познаний на эту тему.

Потом она сказала мне, что я уже достаточно взрослый и со мной можно говорить как с взрослым. Последнее для меня означало, как она мне пояснила, что я никому не передам содержание нашего разговора.

Но то, что меня потрясло на всю оставшуюся жизнь, была новость, что она, мой отец и я – евреи. Это то, что я сразу усвоил. То, что невежественные люди так плохо относятся к евреям, связано с их низкой культурой. Называют евреев жидами очень плохие люди.

– Евреи такие же люди, как и все и среди них есть как хорошие люди, так и плохие, – продолжала мама. Но я уже не слышал ее слов.

Мне предстояло переосмыслить жизнь. По неведомым мне причинам мы (наша семья) оказались отброшенными в самые низы общества. У нас как евреев оказалось много гнусных и плохих черт, которые мы не могли исправить, так как выйти из евреев было невозможно, и ты с рождения был приписан к гнусным людям (я еще не владел марксистско-сталинским понятиями: народность, нация и т. д.).

Но я сразу усвоил, что есть огромное преимущество быть русским или на худой конец чувашом. Этот последний простой народ быстро прошел обучение на устных народных курсах эвакуированных русских и украинцев, научился отличать евреев от других хороших людей и выражать им, часто довольно откровенно, все, что он думает о них, то есть попросту говоря жидится в их адрес.

Русские в разговорах между собой тоже не жаловали чувашей, вспоминая, как они в поликлинике, сидя в очереди к врачу и сбросив с себя верхние рубашки, лихо щелкали вшей, повышая таким простым физическим трудом уровень санитарии и гигиены. Но в случае смешанных компаний, в которых присутствовали русские, чуваши и евреи, возникновения споров на тему национальности, у чувашей были преимущества, вытекающие из их чувашского происхождения.

Я стал затрудняться с классификацией людей. Наш сосед жидился, многие взрослые и ребята на улице тоже не редко жидились, и все они, согласно классификации мамы, должны были быть отнесены к плохим людям. Что же получалось? Мы были сплошь окружены плохими или низко культурными людьми? Мои вопросы на тему о евреях вызывали испуг у родителей. Они просили меня не задавать вопросов по этой теме. Когда вырасту, сам пойму. И мне приходилось, в основном, самому искать ответы на мучившие меня вопросы.

Наиболее яркое воспоминание по этой теме сохранились у меня о времени, относящегося к делу врачей-убийц евреев в белых халатах. Многие из моих соучеников по классу брали себе фамилии врачей, проходящими фигурантами в этом деле.

Наиболее смешным выглядел мальчик, который носил в классе кличку Почта. Он был похож на Геббельса, и все до дела врачей его иногда звали – Геббельс. Он был маленький юркий брюнетик, и постоянно кричал, что он профессор Вовси и прыгал, строя гримасы. Эволюция из обезьяны в человека, за которую так ратовал Дарвин, ему мало что дала.

Прыгая как заправский примат, он корчил рожи, вызывая у наиболее продвинутых учеников поощрительную улыбку. Более простые и непосредственные ученики покатывались от смеха.

В то же время я заметил, что ученики, изображавшие Когана и других медиков, в артистизме ему уступали и завидовали успехам Почты. Их попытка выступить в роли Вовси не была поддержана широкой аудиторией учеников, и они стушевались, эпизодически что-то выкрикивая.

И вдруг я заметил портретное сходство Почты с Геббельсом: такой же черный и маленький. Возможно, я впервые открыл, что при вживании в какой-то образ возникает невольное портретное сходство, иногда даже с приматами типа Геббельса, которые по своей сущности являются антиподами, изображаемого, в данном случае Вовси. Я назвал это таинством перевоплощения.

Я впервые в жизни понял любовь народа – толпы к этому лицедейству. И оценил эффект брожения толпы на мини объекте.

Определенный успех вызвали бумажные голуби, на которых были написаны фамилии учеников с указанием национальности, например, еврей Подольский, еврей Левин и т. д. Их запускали и, если голубь клевал носом, смеялись. Во всем этом проглядывало стремление масс к обобщению.

Я впервые понял, что для успешного усвоения какой-либо идеи, очень важно, чтобы она была близка массам и вызывала у них интерес. Я привел этот пример, чтобы была ясна идея обучения и самообучения народных масс. К антисемитизму все описанное не имеет никакого отношения.

В эти же времена я заметил большую напряженность и настороженность приятелей моих родителей, приходивших к нам в гости каждый день. Это были муж и жена. Она работала в аптеке, изготавливая по рецептам врачей лекарства. Муж работал на тепловозостроительном заводе. Я подслушал, как жена рассказывала, что работать стало трудно. Выдавая приготовленные лекарства покупателю, она вынуждена была слышать в свой адрес реплики типа: а вы приготовили лекарство или то, что ваши кремлевские коллеги? Травите русский народ. Но недолго осталось. Скоро товарищ Сталин и мы разберемся с вами.

Самое интересное по сущности было то, что в простой еврейской среде любили товарища Сталина, почти единственного защитника еврейского народа. А врачей-убийц евреи ненавидели: что им (врачам) не хватало? Работали в Кремле, пользовались всеми благами и вот вам благодарность. Что теперь будет с нами? Можно даже понять евреям возмущение русских. Одна надежда на товарища Сталина, что возвысится над этой нечестью – врачами и защитит евреев. А врачей четвертовать мало.

И не могли евреи придумать ту казнь и муки, на которые врачей следует подвергнуть, чтобы хоть частично они заплатили за свои зверства.

В этом месте я прервусь.

Каким талантом мистификатора и подлеца должен был обладать товарищ Сталин и способностями в области зомбирования широких, как говорили коммунисты, слоев народных масс, чтобы в любой, подходящий для него момент 99 % и более народа, невзирая на неоднократные и широкие волны убийств ученых, писателей, деятелей **искусств и т. д., и т. д., дружно, как по команде дрессировщика в цирке,** демонстрировать необходимую выучку и привитые условные рефлексы.

Я особенно обращаю внимание на этот феномен толпы, и вопреки мнению известного писателя Распутина, остановлюсь не на товарище Кагановиче как основном зле, бывшем в то время вождем разве что еврейских сапожников и одним из личных холуев товарища Сталина, а непосредственно на товарище Сталине.

Сталин в юные годы баловался религией, но обладая незаурядными бандитскими замашками профессионального уголовника и двуличием невиданных масштабов, всем своим звериным нутром он почуял новые веяния в политической борьбе тех времен, позволявшим максимально раскрыться его бандитским наклонностям. И потому товарищ Сталин пошел в коммунисты.

Дорогой мой читатель, при всем своем старании ты не назовешь мне другой области, кроме нацизма, которая могла бы предоставить такие возможности бандиту, к тому же гениально коварному и двуличному, для раскрытия его низменных инстинктов, и при этом успешно

реализоваться, сделав умопомрачительную карьеру, как политика. Если ты почувствовал свою полную бездарность – иди в политику, ибо только там ты сможешь занять свое достойное место. **И, если ты достигнешь вершин и станешь отпетым мерзавцем, ненавидящим и презирающим народ, то народные массы будут поклоняться и очень любить тебя, независимо от их национальности, и даже ума.**

Чувство принадлежности к какой-то национальности превыше всего. Со стороны марксизма в СССР, на ранних стадиях своего становления, была попытка заменить антисемитизм и национализм социальным расизмом. Но эта попытка окончилась неудачей. И со временем социальный расизм был побежден сразу двумя разновидностями антисемитизма: государственным и бытовым.

И, чтобы ты читатель сразу далее понимал что к чему, а самое главное понял причинность, я вынужден нарушить строгое и логичное повествование о моей, а скорее и не моей жизни, и познакомить тебя хотя бы описательно с важнейшим из всех процессов в нашей общественной жизни – процессом брожения.

Математическое описание процесса брожения и величайший ученый всех времен и народов Иван Израилев

Когда людьми обуревает гордыня, они верят в свою правоту, превращая свои взгляды в религию. Ужасно, когда это происходит с вождями. Будучи неграмотными и созвучными массам, они овладевают их умами (в большинстве случаев одной извилиной каждого индивидуума). А дальше начинается брожение. Догадываетесь аналогом какого процесса оно является? Вот именно.

Я вам приведу более простой пример этого процесса. Разумеется между этим примером, который я приведу, и процессом брожения масс, на первый взгляд, казалось бы нет ничего общего и нет прямой аналогии. Есть только сам процесс брожения. На самом деле, как показали исследования и современные расчеты это не так.

Я жил на улице, которая носила имя вождя германского пролетариата Эрнста Тельмана. К прискорбию должен заметить, что, несмотря на то, что город, в котором я жил, носил имя выдающегося по тем временам и представлениям полководца Ворошилова, улица имела деревенский вид и, более того, в домах отсутствовали элементарные удобства, включая воду, отопление, туалеты и т. д.

Ребята разных возрастов жили на улице и, наиболее умные и любознательные или, как сейчас говорят, продвинутые, стихийно и неосознанно занимались различными процессами, включая, особенно, процесс брожения.

Возможно, что у этих ребят, при выборе объекта исследования, возникала подсознательно классовая ненависть к более преуспевающим семьям, а возможно и что-то другое. Сейчас точно это уже невозможно установить.

Для изучения процесса брожения приобреталась пачка дрожжей. Пачка бросалась в, намеченный для исследований, туалет, представлявшим собой выгребную яму, над которой возвышалась деревянная кабинка, скрывавшая от нескромных взглядов посторонних людей человека, отправлявшего естественные надобности. Результатом этого действия, через сравнительно небольшой промежуток времени, начинался процесс брожения, извините за выражение, дерьма в выгребной яме.

Последствия от начавшегося процесс брожения были следующие:

– дерьмо начинало бродить и выходить за границы туалета, заполняя прилежащий участок земли;

– запах ночной фиалки начинал заполнять улицу вождя германского пролетариата, вызывая беспокойство жителей и горячее обсуждение произошедшего, принявшего характер локальной экологической катастрофы.

Все это приводило к вызову, говоря современным языком, представителей службы по борьбе с чрезвычайными ситуациями. В те годы она не выглядела столь внушительно, как сейчас.

Обычно это была подвода, в которую была запряжена лошадь. На подводе был установлен деревянный ящик, накрытый сверху досками. На ящике восседало двое вдумчивых людей в темных халатах с совковыми лопатами.

Прибыв на объект дяди принимались лопатами вычерпывать локальный источник экологической катастрофы, перегружая содержимое выгребной ямы в деревянный ящик. В этот момент запах значительно усиливался, возбуждая не очень умных, хотя и не откажем им в определенной сообразительности и наблюдательности, зевак к поспешным, зачастую не всегда верным выводам о том, делом рук кого явилось возбуждение процесса брожения.

В зависимости от масштабов процесса брожения юными учеными при исследованиях делались выводы о необходимом количестве пачек дрожжей для оптимизации самого процесса

брожения. Этот пример доказывает, что процесс брожения нельзя пускать на самотек, он точно также как и брожение народных масс, не должен выходить из-под контроля. Этими выводами всегда руководствуются наиболее грамотные политики.

Мой близкий друг и один из величайших математиков современности академик Иван Израилев изучил, только что описанный процесс брожения и брожение народных масс. Должен заметить для тех, кто случайно не знаком с Иваном Израилевым, что это ученый мирового масштаба. Если он и берется что-то разрабатывать, то помимо чисто математических интересов, тема всегда имеет, как это раньше говорили, практический интерес.

Сложность решения вопроса несомненна, а важность – выход в практику – здесь просто дух захватывает. Это не решение проблемы Пуанкаре каким-то Перельманом. Вы что-то слышали об этой проблеме или можете хоть что-то прояснить мне?

Но вернемся к процессу брожения. Здесь можно много говорить. Но я скажу сразу. Ивану Израилеву, в отличие от других ученых, удалось строго доказать, что эти разные, на первый взгляд, физической природы процессы (брожение жидкого дерьма и брожение народных масс) описываются одним и тем же дифференциальным уравнением. Я уже не помню в частных производных это уравнение или обыкновенное, система уравнений или еще как-то там со сложной нелинейностью. Он отказался предоставить мне математический вывод (иначе я бы его обязательно привел, чтобы не искушать особенно дотошных читателей). Но он попросил обязательно сослаться на него как на первоисточник, что я и делаю с большим удовольствием.

Из расчетов Ивана Израилева следует строгий вывод, что брожение народных масс можно изучать на физическом процессе брожения жидкого дерьма, используя в качестве катализатора обычную пачку дрожжей, изготовленных по рецепту, разработанному еще в советский период времени.

Можно разделять теорию марксизма-ленинизма, или наоборот ругать ее и стоять за демократию, но горе тому политическому деятелю, который плохо знает процесс брожения. К наиболее успешным деятелям этого направления я отнесу, обладавших гениальной интуицией, деятелей стихийно и неосознанно понимавших процесс брожения. Чтобы убедить тебя в этом, дорогой читатель, приведу такие имена, как Маркс, Ленин, Сталин, Гитлер, Мао, Кастро, Арафат, Чавес, Ахминеджад, Ким Ир Сен, Пол Пот и т. д.

К менее удачным знатокам процесса брожения, но достаточно эффективным, можно отнести деятелей демократического толка, таких как Ельцин. К плохо изучившим процесс брожения можно отнести Альенде и, пожалуй, Горбачева и др.

Последствия для деятелей, не знающих или плохо изучивших процесс брожения, катастрофические. Очень важно для объективной оценки вклада в науку конкретного народа, определить к какой национальности принадлежит Иван Израилев. По имени вроде русский и даже очень, а вот фамилия вызывает вопросы. Но я пока решил оставить этот вопрос на потом. Авось обойдется.

Кто это сказал, уже не помню, что народ не обманешь. А может это я сам и сказал? Оставим это потомкам выяснять. Народ существует именно для того, чтобы им манипулировали.

Но к полному успеху приходят только те, кто в совершенстве знает процесс брожения и, самое главное, научился управлять им, в уме рассчитывая, особенно в острых ситуациях, число необходимых пачек дрожжей для управления и, самое главное, выбору методов направления в необходимое русло процесса брожения. К такому выводу я пришел окончательно только в шестнадцатилетнем возрасте и благодаря Ивану Израилеву.

Ученых и людей, занимающихся возможностями реализации и управления процессом брожения, смело назову дермофилами, то есть любителями дерьма. С этого момента предлагаю ввести звания: гениальный, почетный, народный и заслуженный дермофил, и присвоить это

звание гениального дермофила посмертно: Гитлеру, Ленину, Сталину, Троцкому и другим. Полный список я намереваюсь опубликовать отдельным приложением к этой книге.

В это, вновь организованное общество, можно зачислять, проявивших себя на этом поприще людей, не ожидая заявлений с просьбой о приеме их в качестве рядовых членов. Можно принимать целыми народами, зачисляя всех. В качестве примера могу привести в прошлом немецкий народ, который добровольно избрал в качестве своего правителя известного гениального дермофила Гитлера и старательно, на протяжении ряда лет выполнял все его указания.

Очень высокая культура этого народа (это неоспоримо и не нуждается в доказательствах) не позволила ему раздеться догола, продемонстрировав совершенство своих органов ниже пояса. Но находятся злопыхатели, которые объясняют последнее только холодностью климата и чувством дискомфорта от холодов, особенно в зимнее время года.

Чтобы и здесь не было недоразумений, и оголиться осмысленно, как настоящим арийцам, а не стихийно, немцы начали испытывать и исследовать на голых евреях процесс переохлаждения. Их скромная и застенчивая нация не могла позволить себе возможности начать опыты сразу на себе. А жаль. Пользы для науки было бы не счесть. Опыты непосредственно на арийцах во сто крат ценнее, чем на низших расах. Окончание войны не позволило немцам довести эти важные и гениальные опыты до логического конца.

Но в то же время история не подтвердила предсказания ряда великих немцев. Например, Гете желал немцам диаспоры, чтобы они как евреи, передали народам, среди которых бы они жили, все лучшее, что у них было. Чепуха.

К власти приходит путем демократических выборов Гитлер с коэффициентом интеллектуального развития IQ близким к нулю. Но вопреки всем прогнозам он не только сплотил немцев, он раскрыл их потенциальные возможности в невиданных доселе масштабах на радость остальному человечеству. Для этого немцам не потребовалось диаспоры, диаспора потребовалась тем народам, которые успели ее осуществить до того, чтобы войти в контакт с немецкой культурой настоящих арийцев.

Их вклад (немцев) в мировую культуру мы еще не способны оценить в полной мере и, я надеюсь, это удастся сделать и будет сделано только через несколько поколений.

Не дожидаясь результата более точного подсчета вклада немцев в мировую культуру, заранее благоговею перед ними и снимаю шляпу. Силища какая! В дермофильстве и в процессах брожения они безусловно лидеры, хотя и испытывают некоторое и немалое давление со стороны некоторой части мусульманского мира.

На следующие призовые места претендуют многие народы. Но я не хочу, до окончательного решения вопроса, касаться этой темы, чтобы не вызвать ненужный ажиотаж в мире. Не волнуйтесь господа уважаемые дермофилы, осознавшие свое место в истории, культуры, а возможно еще в чем-то: всем хватит места, никто не будет забыт, всем будет свой пьедестал.

В обществе дермофилов есть нобелевские лауреаты, есть неплохие писатели, ученые, артисты, да что там говорить: Добро пожаловать и не стесняйтесь! Антисемитам я отвожу особо почетные места. Я не разделяю мнение некоторых, которые считают антисемитов людьми – борцами с евреями, быт и нравы которых (как писали во времена российского царя в энциклопедическом словаре) вносят разложение в современную культуру.

Следуя этому умнейшему со времен царизма определению антисемита, нам бы пришлось исключить из культуры такие имена деятелей, как Эйнштейн, Бор, Винер, Фрейд, 20–25 % от общего числа лауреатов Нобелевской премии, ветхий и новый завет, Христа, Коран, который в значительной степени является плагиатом старого завета, и т. д. То есть, нам пришлось бы исключить из деятелей культуры огромное число ученых, писателей, композиторов, шахматистов, виртуозов-исполнителей, спортсменов и т. д., и т. д., являющимися евреями, а вместе с ними и плоды их труда.

Я не разделяю мнения и других людей, которые считают антисемитов людьми с недостаточной культурой.

Наиболее правильным, как это следует из теории брожения, будет считать, что антисемиты это поднявшиеся до высокого (почти гениального) уровня мышления люди, и в силу своего очень высокого развития, осознавшие собственное скудоумие. Одним словом почти единство и борьба противоположностей, как это классифицирует марксизм.

Антисемиты стихийно и отважно плывут в океане брожения жидкой стихии, интуитивно пытаясь прибиться к берегу, чтобы осмотреться. Они еще не осознают, что море безбрежное… Запах жидкого дерьма в океане, включая и их собственный запах, очень осложняет им выбор правильного направления движения.

Вкратце освещу состояние дел, как говорят, на текущий момент. Уже почти известен состав ученого совета, который определит основные направления дермофильства, требования к рядовым членам для зачисления в общество и т. д. Естественно, что членство в этом обществе не предполагает уплату членских взносов и будет бесплатным.

Только заслуги перед мировым и менее мировым сообществом будут основанием принять этих людей в ряды передового человечества, то есть дермофильства. Токмо не ради корысти. Вам остается набраться терпения читатель и ждать. Ведь, фактически, я впервые поднял этот архиважный, как говорил гениальный дермофил Ленин, вопрос. А каково число людей, жаждущих стать дермофилами! Огромные неисчислимые массы.

Конечно, необходимо ввести различные секции по процессу брожения и дермофилии, чтобы объединить в них членов и ученых более узкого профиля. Предстоит много работы. Но я полон решимости преодолеть все трудности, понимая какую важность представляет поднятый мною вопрос. Я с нетерпением жду и ваших предложений, дорогие мои читатели.

От автора. Чувствуется какая-то недоговоренность при обсуждении важных вопросов, нуждающихся в более подробном изложении. Надеюсь более подробно остановиться на рассуждениях моего друга, относящихся к более зрелому возрасту.

Процесс брожения и катализаторы

Евреи всегда платили по самым высоким тарифам за свое происхождение и свои теории. Они заплатили за христианство, платят за ислам, заплатили и за Фрейда и за антисемита Маркса, за апостолов (Петр, Павел и т. д.), еврея Христа, его матери и т. д..

В новом завете описан такой случай.

Христос, испытывая жажду, попросил самаритянку дать ему воды напиться. Самаритянка отказывает ему в этом, мотивируя это тем, что самаритяне не общаются с евреями. Христос произносит пророческие слова, сказав самаритянке, что, а разве ты не знаешь, что все самое лучшее в мире от евреев.

Несмотря на сказанное Христом в адрес евреев, это не оказало никакого влияние на весь христианский мир и не сказалось на его «любви» к евреям.

Но вернемся к Гитлеру. По одной из гипотез, причиной, согласно которой Гитлер стал зоологическим антисемитом, была женщина, с которой он вступил в неформальные отношения. Эта женщина оказалось еврейкой, и Гитлер не придал бы этому факту в тот момент решающего значения, если бы не сифилис, который она оставила ему, как нежное и глубокое напоминание об их доверительных и тесных контактах. Поняв позднее, что ему, как и поэту белокурой нации Ницше, не повезло, Гитлер решил «научно» подойти к этому вопросу.

В отличие от Ницше, у которого его первая любовь не принадлежала к славному племени евреев, Гитлер выдвинул гипотезу, что этой болезнью страдают исключительно евреи. В своем знаменитейшем научном труде «Моя борьба» он предложил (он как никто другой наблюдал эту болезнь на себе и знал ее проявления во всех тонкостях) очистить немцев от евреев и излечить если не себя, то любимый им немецкий народ от этой заразы.

Страдая приступами от этой болезни, он впадал в транс, и, ощущая боль половых органов и другие не менее приятные ощущения (я думаю, что мужское население меня поймет, в то время как женской части общества придется в этом месте поверить мне на слово) он, на мой взгляд, решил сосредоточиться исключительно на евреях и нашел в себе силы закончить свой труд.

Гитлеру удалось реализовать процесс брожения в невиданных доселе масштабах. Его литературный труд, появлением которого мы обязаны сифилису – произведение гениальное, хотя и не лишено ряда ошибок. Но попробуйте Вы господа, создать что-либо подобное при постоянной нечеловеческой боли в половых органах. Его труд пока не превзойден никем.

Строить долгосрочные прогнозы не берусь. Тем более, что желающих превзойти Гитлера сколько угодно, а кроме сифилиса, который просто необходим, для творческой обстановки, появился в наше время еще и СПИД. Это обстоятельство позволяет мне выразить уверенность, что в ближайшее время мы станем свидетелями новых научных подвигов со стороны продолжателей дела Гитлера. Тем более, что число самцов арийской внешности, напоминающих выражением лиц дегенеративные потуги лица Гитлера с выброшенными вверх конечностями, неуклонно растет. Их милые хари ни в чем не уступают харям вождей третьего рейха. Их успех в недалеком будущем не вызывает у меня сомнений.

Вообще компонент национальность, как я узнал в более зрелом возрасте, всегда использовался как катализатор для процесса брожения весьма умными людьми, хотя и подсознательно, с одной лишь целью: более глубоко изучить процесс.

Понятие национальности действует как сильнейший наркотик, в ряде случаев полностью нейтрализуя мышление, если зачатки такового у индивидуума имелись или имеются. Например, у всеми очень и очень уважаемого многими людьми, почти гениального историка и писателя Солженицына, тоже внесшего свой посильный и весомый вклад в предмет дермофилии, наблюдается этот же эффект. **Мы этот факт подробно рассмотрим позднее.**

Подчеркну, что очень важным является вопрос выбора личности и оценке ее роли, в изучение процесса брожения.

Возьмем, к примеру, весьма разностороннюю личность как Сталин, внесшего неоценимый вклад в процесс брожения. Он, не будучи знакомым с трудами Ивана Израилева, тем не мене зарекомендовал себя стихийным блестящим практиком. Правда, известный писатель **Распутин** выразил мнение, что такие крупномасштабные личности как Сталин должны описываться не менее масштабными личностями. Из страха, что не так поймут, если начнет описывать Сталина небольшого масштаба личность, он предложил в качестве первого приближения при описании Сталина использовать выдающегося катализатора процесса брожения Кагановича.

Каганович безусловно сыграл роль определенного катализатора процесса брожения. По некоторым слухам он пользовался большой любовью у еврейских сапожников и служил у Сталина преданным холуем. Но все же мы не познаем, или вернее не вскроем глубинные процессы брожения, если не воспользуемся результатами достижений самого Сталина в вопросе дермафильства.

Впрочем, понимая всю значимость фигуры **Распутина** в вопросах брожения, я не хочу полимизировать с ним. Кому же, как не ему, обладающему тонким обонянием, не быть решающей фигурой в этих вопросах.

Вообще иногда процесс брожения на первой стадии может быть достаточно успешно реализован без привлечения евреев.

Но, как правило, они должны быть на каком-то этапе привлечены. Даже Октябрьская революция доказала, что их необходимо использовать. Правда в процессе использования оценка их значимости и вклада, в зависимости от политической обстановке в стране, могут меняться. А главное запахи. У настоящих специалистов и исследователей брожения они очень резкие.

В заключение замечу, что ни одна книга против антисемитизма (известные исследования в двух томах Л. Полякова, книга Иосифа Флавия «Против Апиона» и другие ничего не дают). Эти книги описывают только случаи антисемитизма. Только изучение процесса брожения позволило, как я уже упоминал в предыдущих главах, вскрыть сущность антисемитизма и его, я бы сказал, полезность.

Он позволяет многим личностям изучать процесс брожения и использовать его на благо всего человечества. Остается только выразить им признательность, а живых исследователей процесса брожения просить продолжать свои усилия, несмотря на запахи и сам материал, который они вынуждены не выпускать из рук. Тот из исследователей, который хоть раз в жизни видел даже небольшие озерца из жидкого, извините за выражение, дерьма, меня поймут. Не могу удержаться и не крикнуть:

– Слава Вашему научному подвигу!

Благодарные потомки Вас не забудут! А многие из них всегда будут готовы нырнуть в эти пучины, погрузившись в его глубины в прямом смысле, то есть непосредственно в сам процесс, предварительно выбросив резким движением правую руку вверх.

Я думаю, что я почти доказал, что евреи являются главным катализатором процесса брожения.

Картины детства

На нашей улице сложились три возрастные компании. Я был в средней группе. Ее представители иногда допускались в старшую группу, в которой ребята были на три-четыре года старше нас. Слабые в старшей группе постепенно перешли в нашу группу, где они могли покровительственно или на равных вести себя с нами.

Нашей постоянной мечтой было сравняться с ребятами из старшей группы и заслужить, хотя бы кратковременно, их расположение.

Я помню только один случай, который на сравнительно большой срок (чуть больше одного дня), поставил меня на высокую ступеньку значимости, с которой я кубарем скатился вниз, по истечении этого срока.

Дело было так. Сидя как-то вечером в одной компании со старшими ребятами и болтая о всякой чепухе, я заметил приближающегося Сашу. Он подошел к нам и неожиданно объявил, что завтра во дворе у Аркадьевых основная масса девочек с нашей улицы будут купаться голыми.

Уже несколько дней стояла летняя жара и версия Саши выглядела правдоподобно. Тем более, что об этом, важном для любого мальчишки, событии сообщила ему его родная сестра.

Аркадьевы жили во дворе, который со всех сторон был окружен достаточно высокими заборами и сараями. Он был виден только из окна одной из комнат нашей квартиры, расположенной на втором этаже двухэтажного дома.

Прямо под окном, выходящего на двор Аркадьевых, проходила крыша нашего сарая, над которой возвышалось это прекрасное окно из нашей квартиры. Все знали этот факт, и старшие ребята, до этого с легко улавливаемым пренебрежением относившиеся ко мне, вдруг с неподдельной искренностью стали искать моего расположения.

Их расположение ко мне значительно возросло, когда они узнали, что мои родители во время купания будут на работе. Старшие ребята пришли в некоторое возбуждение, и я сразу же попал под покровительство двух самых сильных парней, соперничавших друг с другом за лидерство в кампании.

Тая от счастья, я пообещал им обоим место у окна. Но здесь подтянулись и другие ребята, хотя и уступавшие в силе лидерам, но тоже достаточно авторитетные, а для меня и подавно. Пришлось пообещать и им.

Они начали обсуждать завтрашнее действо, а я, с некоторым страхом, размышлял, как они поместятся в одной комнате, не говоря уже о небольшом по площади месте у окна. По моим подсчетам набиралась приличная толпа парней.

Однако, вдруг неожиданно вспыхнувшее ко мне уважение, и почти любовь вожаков и других старших по возрасту парней (я не успевал перехватывать теплые взгляды собравшихся, обращенных ко мне старших ребят, еще два часа назад не обращавших на меня никакого внимания), вызвали во мне ответное, почти рабское чувство преданности и желание выполнить любое поручение вожаков.

Было решено, что завтра часам к 11 дня ребята подойдут ко мне и я пущу их в квартиру. Моим младшим товарищам вожаки сказали, чтобы их духу не было. И вообще им еще рано посещать такие зрелища. Некоторые из моих друзей с завистью смотрели на меня, ведь я увижу нечто такое, что и они были бы не прочь увидеть. К тому же мое новое положение в обществе для них было просто недосягаемым.

К 11 часам стали подходить парни. Их почему-то оказалось намного больше, чем выразивших вчера желание увидеть зрелище. Некоторые были мне незнакомы. Меня превратили в простого зрителя, и большинство из приходивших ребят перестало обращать на меня внимание.

После 12 дня в самую жару началось купание голых девушек во дворе. Я этого уже не видел, так как был оттеснен почти к выходу из квартиры. Задние зрители, желая удовлетворить свою любознательность и приобрести дополнительные знания в области натуры, напирали на передних, так как им было ничего не видно.

В зависимости от удаленности от окна, лица зрителей выражали разные эмоции. Особенно нервничали те, которым ничего не было видно. Кончилось это тем, что под напором возбужденной толпы окно раскрылось, и передние зрители выпали на крышу сарая, расположенного под окном.

Визг и крики девушек смешались с бранью и угрозой, выпавших на крышу зрителей, по адресу оставшихся в комнате. Далее последовало быстрое бегство девушек и попытка тех, кто остался в комнате хоть что-то увидеть. Потом зрители стали покидать нашу квартиру, бросая уже презрительные взгляды в мою сторону. Именно так. Никакого чувства благодарности я не мог отыскать в их взглядах.

Мое общественное положение после этого случая резко упало. И я был вынужден констатировать, что толпа корыстолюбива и быстро утрачивает чувство благодарности, если не видит в тебе хотя бы какой-нибудь сиюминутной полезности.

Я лично не увидел купания, я все принес в жертву толпе, стараясь сделать ей приятное. А результаты? Судите сами: полная утрата своего, еще совсем недавно, высокого общественного положения.

К дополнительным утратам следовало отнести и то, что я совершенно не продвинулся в познании женской обнаженной натуры (я думаю это очевидно, что познание натуры позволяет намного глубже понять многие нюансы в искусстве). Я совершенно не использовал дара судьбы для хоть какого-нибудь продвижения в этом сложном, но интересном и не простом вопросе.

К сожалению, мои поступки и в других ситуациях, казалось бы совершенно далеких от затронутых в этой теме, часто давали аналогичные результаты.

По всей видимости, мы запрограммированные существа, и всю жизнь совершаем одни и те же ошибки.

Отдельные фрагменты жизни

1. Жена врага народа

Было жаркое лето. Вкус яблок, созревавших в садах на нашей улице, стал приобретать кисло-сладкий вкус. Яблоки стали вполне съедобными.

– Пойдемте к Фоминишне и нарвем яблок, – предложил Валька нашей компании, состоявшей, включая и его, из четверых ребят. Все согласились, тем более, что Фоминишна была женой врага народа.

Ее муж до войны был активным коммунистом и являлся секретарем партийной организации швейной фабрики. После прихода фашистов муж Фоминишны проявил толерантность, и, не снижая активности, стал сотрудничать с ними. После изгнания немцев Советской армией он спрятался дома в подвале, откуда стал наблюдать за действиями властей. Однако завершить его наблюдения ему не дали. К Фоминишне явились, как тогда говорили, представители известных органов, и после непродолжительного обыска изъяли из подвала ее мужа. Больше его никто не видел…

Мы быстро перемахнули через забор в сад Фоминишны и обнесли, то есть собрали еще не созревший урожай на одной из яблонь, набрав яблок за пазуху. Перемахнув в обратном порядке через забор, мы уселись недалеко от забора и начали лакомиться яблоками.

Мы до того увлеклись этим занятием, что не заметили, как к нам подошла Фоминишна с ведром, наполненным яблоками.

– Угощайтесь ребятки, – сказала она, – ставя ведро.

Мы перестали доставать яблоки из-за пазухи и стали брать их из ведра, стараясь почему-то не смотреть друг другу в глаза и на Фоминишну.

После этого случая, я очень долго размышлял о некоторых аспектах нравственности и условностях мира.

С одной стороны мы совершили воровство, украв яблоки. С другой стороны мы украли яблоки у жены врага народа, в отношении к которой, как мне казалось, законы можно не соблюдать. Но с третьей стороны, мы приняли угощение от жены врага народа и ели яблоки уже из ее рук.

Позднее я понял, что сложные случаи, которыми полна наша жизнь, легко сбивают людей с правильного пути, тем более, когда приходится выбирать в жизни одно направление из многих.

2. Формирование характеров

Именно в детстве ребята на нашей улице приобретали одни из необходимейших человеку черт: настойчивость, выносливость, смелость и упорство.

Мы часто в компании устраивали различные виды соревнований. Одним из таких видов соревнования было висение на турнике. То есть по команде судьи, каждый из участников соревнования хватался двумя руками за перекладину турника и неподвижно зависал на ней. Турник был установлен во дворе дома, расположенного напротив дома Фоминишны. Для определения времени победителя, обычно один из присутствующих засекал время и наблюдал за повисшими на перекладине спортсменами, выполняя обязанности судьи. Побеждал тот из ребят, кто последним разжимал пальцы и валился на землю.

Однажды, во время разгара соревнований, обязанности судьи выполнял самый старший из участников, мальчишка по прозвищу Аленка. Я подходил к дому, где шли соревнования, когда услышал возмущенные крики, повисших на перекладине участников.

Оказалось, что в ходе судейства соревнования, Аленка решил его несколько усложнить, внеся дополнительный психологический элемент в упражнение на турнике.

Во время одновременного висения на турнике четырех участников, через пол-минуты от начала висения, он подошел и поочередно снял с каждого участника трусы. Несмотря на значительное усложнение упражнения, никто не хотел сдаваться.

Аленка решил дополнительно усложнить условия соревнования. Он зашел в дом и позвал всех особей женского пола, кто был в доме выйти с ним во двор, где он как главный судья соревнования представил им персонально каждого соревнующегося. Зрительницы с интересом стали ждать финала соревнования, о чем-то оживленно беседуя между собой.

Участники соревнования, поборов ложный стыд, продолжали висеть на турнике. Каждый из участников не желал первым проигрывать, несмотря на мерзкие комментарии Аленки и присутствие женщин. В конечном итоге соревнование закончились обычным образом, а Аленка, дождавшись, когда упадет последний из участников, честно отметил его время и с достоинством удалился в дом вместе с женщинами. При этом Аленка шел несколько впереди женщин, что не позволяло, сопровождавшим их спортсменов, выразить Аленке свою личную признательность за внесение дополнительных элементов, усложнивших упражнение на турнике.

Узнав в чем суть дела, я был восхищен мужеством и упорством участников спортивного соревнования, их способностью преодолеть ложный стыд и идиотские условности, которыми почти с пеленок, опутан каждый человек в нашей жизни.

3. Милиционер и первый протест ребят с нашей улицы против него как представителя власти

На нашей улице в одноэтажном доме жила семья молодого офицера милиции Миши, который был женат на простой девушке из деревни по имени Маруся. Вместе они растили сына и вели тихий образ жизни.

Ребята на нашей улице милиционеров в те времена не любили. Преступники в городе в послевоенные годы пользовались полной безнаказанностью. Создавалось впечатление, что милиция сама боялась преступников. Естественно, что неприязнь взрослых жителей улицы к милиции передалась ребятам, и они перенесли ее на нашего милиционера.

По другой версии, ребята младших возрастов на нашей улице были стихийными диссидентами, и свою неприязнь к властям они перенесли на милиционера.

В один из дней младшие ребята по указанию, примкнувшего к ним и старшего их на два-три года Аленки, приступили от слов к делу. Работа закипела.

Ночью, в течение нескольких часов, ребята, включая Аленку, преодолевая брезгливость, выполнили цикл малярных работ, вымазав говном все наружные рамы окон дома семьи милиционера. Ребята работали на совесть, и, закончив работу, испытали чувство глубокого и полного удовлетворения от качественно выполненной работы (намного позднее, это чувство глубокого и полного удовлетворения открыл советскому народу генеральный секретарь компартии Леонид Ильич Брежнев, первенство которого в открытии народу чувства глубокого и полного удовлетворения, я подвергаю сомнению). Это чувство было вызвано тем, что, несмотря на некоторую ломкость материала, его удалось нанести равномерным слоем на все деревянные оконные рамы.

Аленка лично и придирчиво принимал работу. Осмотрев рамы, он велел немного подкрасить в некоторых местах, после чего дал команду разойтись по домам.

К утру свежее наружное покрытие рам полностью не высохло, источало аромат и бросилось не только в глаза, но и в нос, открывавшей окно Маруси. Маруся к этому моменту прожила с капитаном около десяти лет и приобрела определенное чутье и интуицию в делах по раскрытию преступлений по свежим следам. Годы совместной жизни Маруси с Мишей не прошли бесследно.

До сих пор я не могу объяснить логику мышления Маруси, но она прямиком направилась к отцу Аленки и проинформировала его о малярных работах, выполненных его сыном ночью, без всякого основания приписав всю работу делом его рук. Для большей убедительности, она настаивала пойти к ее дому и по запаху определить качество и характер проделанной работы.

Отец Аленки, на мой взгляд, был несколько нервным и не очень выдержанным человеком, и к тому же он не читал произведений Макаренко и других не менее известных педагогов, давших в своих трудах много ценных советов родителям, как поступать при воспитании детей в экстремальных случаях.

Он позвал Аленку и начал расследование обстоятельств дела с того, что до начала разговора нанес несколько ударов Аленке по шее и один прямой в нос. Подготовив, таким образом, сына к откровенной беседе, он начал задавать ему вопросы по некоторым деталям ночных малярных работ.

Аленка, сбитый с толку таким обращением, заплакал от боли и досады и, следя внимательно за движением правой руки отца, выдал весь списочный состав маляров и вид материала, которым были выполнены отделочные работы.

В течение часа информация Аленки была доведена до сведения родителей остальных участников ночной работы. Еще через полчаса возле дома Маруси собралась полностью ночная бригада маляров. У каждого в руке был тазик и тряпка. Маруся каждому налила воды и

стала у дома рядом с ними. И работа опять закипела, но уже, как говорят, в противоположном направлении…

Всем, проходящим мимо жителям улицы, и просто прохожим, Маруся охотно и подробно рассказывала о характере работ, выполняемых ребятами. К полудню работы по реставрации рам были окончены.

Я же понял, что нельзя доверять человеку, не будучи уверенным в твердости характера того, с кем идешь на любое дело. Я понял, что молодогвардейца из Аленки не вышло бы. И это меня огорчило.

В первом же столкновении с властями мы получили первую закалку характеров, хотя и потерпели сокрушительное поражение, не добившись даже морального удовлетворения.

4. Перепись животных

Я жил на улице, которая своим видом ничем не отличалась от деревенской. И это несмотря на то, что улица носила имя одного из вождей немецкого пролетариата Э. Тельмана и непосредственно примыкала к главной улице города, являвшегося областным центром.

С началом зари на этой улице пели петухи. Им поддакивала на разных языках разнообразная живность, в достаточном изобилии водившаяся в многочисленных подсобках и сараях, расположенных в частных дворах.

Звуки поющих петухов, сообщающих о наступлении утра двум колхозникам, изучавших самостоятельно английский язык, уже описано Шолоховым. И мне нечего добавить к куску этой прозы, почти потрясшей меня в юности.

Улица жила своей дремотной жизнью, мало чем отличавшейся от деревенской. Летом в ее многочисленных садах цвела сирень, созревали абрикосы, яблоки, груши, вишни, сливы, малина и прочая плодово-ягодная разновидность.

И вдруг привычное течение жизни на улице было нарушено слухом, что среди домашних животных пошла эпидемия, которая поражает любое животное независимо от вида и породы.

В те времена о птичьем гриппе никто не слышал, и что предпринять в связи с эпидемией не знали. Но помог случай.

Дня через четыре после начала слухов об эпидемии, появилось два человека с тетрадями и карандашами. Они представились представителями местных властей и терпеливо разъясняли жильцам, что будут делать бесплатно прививки всем животным от довольно опасной эпидемии, которая от животных может переходить к человеку. Для эффективной борьбы с эпидемией, необходимо знать количество прививок, которые потребуется сделать животным. Поэтому представители властей должны знать точное число животных, которым следует сделать прививки, а также ознакомится с условиями их содержания по месту их постоянного проживания.

Забота местных властей, проявленная к животным, очень тронула в самое сердце жителей улицы и получила сразу же у них горячую поддержку. Их даже не удивило то, что раннее на них самих местные власти никогда не обращали внимание.

– Подумать только, как пекутся местные власти о курах. Даже слезы наворачиваются непроизвольно, – вздыхали некоторые.

В каждом дворе представители властей – двое мужиков терпеливо посещали сараи и другие подсобные пристройки, где размещались куры, утки, свиньи, козы и другая живность. Они скрупулезно обходили каждый дом и подворье, тщательно зарисовывали помещения и места проживания животных в них, записывали число каждого вида животных, включая половые признаки. Иногда они укоризненно качали головами при виде плохих жилищных условий животных в местах их содержания, что-то шептали друг другу на ухо, и на лице у них мелькала тень озабоченности.

Улица ожила от такой заботы местных властей. Все стали ждать дальнейшего продолжения событий. И они (эти события) не заставили себя ждать.

В один прекрасный день (прошло что-то около трех дней после переписи животных) моя улица встретила очередное утро гробовой тишиной. Оказалось, что за ночь неизвестные похитители освободили от домашней живности все сараи и другие подсобки жителей улицы, оставив в неприкосновенности только собак и кошек. Собаки бегали во дворах, стараясь не смотреть в глаза своим хозяевам, и почему-то непрерывно облизывались, словно съели только что что-то вкусное.

Каждый житель улицы припомнил, что не слышал ночью ни одного звука от дворовых собак. Собаки оказались заурядными взяточниками.

Среди потрясенных жителей (практически не было ни одного двора или дома, которым бы не был нанесен ущерб) только один сапожник (так его прозвали за его ремесло) ходил гоголем. У него одного уцелел кабан необыкновенно больших размеров и массы.

Поглядывая на кабана с любовью в предвкушении приближающегося нового года, и настоящих холодов, которые должны были прервать существование кабана в виде животного, превратив его в сало и мясо, он с гордостью говорил о том, что полезное животное должно выглядеть прилично, а не представлять собой курицу с голой жопой. Не правда ли, идиотское сравнение? Но жители не разделяли его веселья, а только хмурились и молчали, затаив обиду.

Но в жизни, иногда это бывает, справедливость восторжествовала. Дня через два, возвращаясь домой после работы, сапожник услышал крик соседа, который просил его поспешить домой, так как час назад к его жене приезжала скорая медицинская помощь и, погрузив на носилки человека – скорее всего его же жену, уехала.

Сапожник не стал выяснять подробности и бросился к своему дому, где к его удивлению у входа он встретил в полном здравии жену.

– Да, сказала жена, скорая приезжала. Вызов оказался ошибочным, и они уехали.

– Кого же они понесли на носилках? – подумал сапожник. И вдруг его обожгло. Он бросился в хлев. Любимого кабана след простыл. Раздался крик души. Так скорбели по любимому человеку.

Надо заметить, что большинство жителей улицы с большим удовлетворением восприняло этот крик. И в головах большинства из них пронеслась мысль о существовании высшей справедливости в этом мире. На малом познается самое сложное в мире, а особенно познается смысл высших духовных ценностей.

На следующий день на улице появился участковый милиционер. По его лицу пробегали волны, отражавшие напряженную работу мыслительного отдела, каковым являлась его голова под фуражкой.

Он созвал собрание жителей улицы и задал, взволновавший всех, вопрос:

– Смогут ли жители на базаре, среди ощипанных куриц, определить по каким-либо признакам своих?

Рассуждая вслух, и при этом вполне логично, он предположил что похитители, ввиду большого числа похищенных куриц, будут вынуждены часть из них зарезать, ощипать и предпринять попытку реализовать продукцию на местном рынке.

– Задача нас с вами состоит в том, чтобы в этот самый момент появиться на рынке и опознать неожиданно для грабителей своих бывших животных, обращенных в мясо для употребления, – подытожил он, снял фуражку, вытер пот на лице и обвел собрание сияющим взглядом.

Стоявший молча до этого, один из жителей заметил, что своего петуха он точно определит.

– Как? – заинтересовался участковый.

– По правому яйцу, члену и татуировке на левой ноге, – мрачно ответил тот.

На том собрание и закончило свою работу.

В те уже не близкие времена, следствие вели еще не совсем знатоки, и его результаты оказались не столь эффективными.

5. Абрам и друг детства Колька

Коля был моим другом. Он имел слабое здоровье и был физически слабым мальчиком. В одной из драк, где к нему пристал более сильный Васька, я защитил его, нейтрализовав Ваську. С этого момента мы стали дружить.

Мы объединили нашу коллекцию марок и стали собирать марки вместе. Марки мы хранили у Кольки, которому я позднее их подарил. Все было бы неплохо и возможно даже на всю оставшуюся жизнь. Но нашим прекрасным отношениям помешал нелепый случай.

Дело было так. На нашей улице жил старый еврей, которого прозвали Абрамом. Он жил со своей старой женой и занимался выращиванием овощей и сбором фруктов с небольшого количества деревьев, росших в его саду возле дома на небольшом участке. Через нашу улицу проходила короткая дорога к речке Лугани.

Каждый день по ней проходила одна и та же ватага блатных мальчишек с улицы имени великого вождя мирового пролетариата Карла Маркса, направляясь купаться на речку. Случайное это было совпадение, или не случайное, но все они были детьми, отцы которых постоянно сидели в тюрьмах за уголовные преступления.

Обычно, после очередного отбытия срока в тюрьме, их отцы появлялись на короткое время в городе, где, совершив очередное уголовное преступление, отправлялись на место своего постоянного проживания, то есть в тюрьму. У ихних детей была аналогичная судьба: девочки становились легкой добычей освобождавшихся из тюрьмы уголовников, а ребята попадали в места для несовершеннолетних преступников, где проходили курсы для начинающих преступников, а по достижении совершеннолетия переходили в тюрьмы для взрослых, в которых, в основном, и коротали жизнь.

По дороге на речку Луганку, как мы ее все между собой называли, ватага ребят с улицы Карла Маркса обязательно дразнила Абрама. Это был отработанный годами ритуал. Они залазили в его владения и начинали кричать:

– Абрам – жид, – срывая фрукты с деревьев и заливаясь при этом смехом.

Абрам выскакивал из дома и начинал гнаться за ними. Но где ему старому было их догнать. Они отбегали на некоторое расстояние и начинали опять дразнить Абрама. Все повторялось сначала.

Наигравшись с Абрамом, ватага шла дальше, задирая, встречавшихся на их пути, отдельных ребят.

В один из дней я вышел на улицу и встретил радостного Кольку.

– Где ты был? – спросил я его.

– Смотрел, как босяки с Карла Маркса дразнили жида Абрама, – ответил он мне, и вдруг осекся. Меня как будто ударили в этот момент.

– Значит, мой друг в мое отсутствие называет евреев жидами, думал я. Значит мы для него люди второго сорта. И так думают у него и его родители, приветливо встречавшие меня, когда я приходил к Кольке в гости. Значит в жизни все одно сплошное притворство.

В этот момент я почему-то вспомнил, что многих евреев немцы изымали из их жилищ по указанию соседей, с которыми они, до прихода немцев, были вроде бы в отличных отношениях. Я понял, что улыбка на лице мальчика может означать не хорошее расположение к тебе, а маскировку истинных намерений.

С этого момента я охладел к своему другу, хотя внешне мы вроде бы продолжали поддерживать хорошие отношения. Я так и не смог принять окончательного решения в этой ситуации и очень презирал себя за нерешительность.

6. Краб

Ко мне с самого начала обучения в школе приставал блатной по кличке краб. Он каждый раз уточнял мою фамилию и национальность.

– Как же так, говорил он, – фамилия у тебя русская, а ты еврей. Я молчал и робел. Я не мог пояснить ему, малосведущему, что фамилия у меня обычная. Гораздо больше людей с моей фамилией были евреи, но я знал некоторых людей, которые с моей фамилией были русскими. Поняв в очередной раз, что я еврей, он начинал приставать ко мне.

Избавиться от него не было никакой возможности. Связываться с ним никто из учеников, в том числе и я, не хотели, хотя силы он, по моей оценке, был небольшой. И я долго нес свой унизительный крест до шестого класса.

Как-то раз, недалеко от места, где проживал Абрам, я встретил краба. Он тут же начал приставать ко мне, проходясь по моей национальности.

Я оглянулся. Никого не было. Обнаглев, он начал давать потихоньку волю своим рукам, пытаясь схватить меня за нос. Сначала я уклонялся, но в какой-то момент меня прорвало. Я сцепился с ним и начал его бить. Этого он не ожидал, а я просто избивал его, вымещая на нем многолетние унижения. Через некоторое время он взвыл, вырвался из моих рук и начал спасаться бегством.

Но недолго длился мой праздник жизни. Краб знал, где я живу, и через два дня подстерег меня со своими ребятами на нашей улице возле дома, где жил Абрам.

– Вот тот, кто бил меня, заявил он.

Бывшие с ним блатные навалились на меня. Один захватил мою правую руку, другой левую, а третий зафиксировал ноги. В правой руке краб что-то держал. Он размахнулся и ударил меня правой рукой в глаз. Мне показалось, что молнии засверкали у меня в голове. Я обвис на руках тех блатных, что держали меня. Они со смехом бросили меня на землю, и пошли дразнить Абрама.

Я вскочил и заорал от досады, обещая расправиться с крабом, один на один, когда встречу его. Один из блатных предложил добавить мне, но тут выскочил Абрам и погнался за ними с дубиной. Они бросились бежать, смеясь и корча рожи Абраму. Я поплелся домой. Я не сказал испуганным родителям о происхождении моего синяка под глазом.

Но с этого момента краб оставил меня в покое, и больше ни разу не приставал ко мне. Я впервые в жизни испытал гордость за свой поступок, но это не компенсировало моих многолетних рабских унижений, которые я терпел от краба в прошлом.

7. Желание быть русским

В детстве я быстро понял, что быть евреем плохо. Для того, чтобы показать всем, что ты плохой, достаточно было обозвать тебя жидом, или более культурно – евреем или еврейской мордой. Последнее соответствовало правде, но в то же время было очень оскорбительным. И опровергнуть это было невозможно. А из признания этого факта тобой, следовало, что ты можешь считаться с этого момента кем угодно: трусом, жуликом, мерзавцем и т. д.

Но, что было особенно обидно, что многие полуевреи, поборов свою еврейскую половинку, изощрялись в еврейском вопросе не хуже русских. А в случае уличения их в том, что у них отец или мать евреи, приводило их в бешенство, они это отрицали и еще сильнее жидились, словно желая доказать, что они русские больше, чем сами русские.

Я был счастлив, если в детской компании со мной обращались как с равным, не намекая на мое происхождение. Иногда было достаточно намекнуть тебе, кто ты есть, картаво выговаривая букву «р». Но из всех моих знакомых евреев, букву «Р» все выговаривали лучше русских, а как раз многие русские не могли сами правильно выговаривать эту букву. Да и сам Ленин, которого все считали русским, картавил.

Позднее, когда я узнал ближе его учение, он получил у меня прозвище картавый. Ведь все уголовники должны иметь кличку. Уже гораздо позднее я узнал, что дед Ленина был евреем, и мне стало ясно, насколько сильны гены евреев. Через два поколения передалась Ленину неспособность правильно выговаривать букву «р».

У меня был приятель еврей, который перешел из своей школы в школу, где я учился. Когда он пришел в наш класс он сообщил одноклассникам, что имя его Иван. Опытные ребята заподозрили, глядя на него, что что-то здесь не так. Еще более опытные в этом вопросе, чем русские ребята, евреи поспорили с Иваном, что он еврей.

Ивана подвела его собственная мать, которая, придя в школу, стала прилюдно звать его Изей. Он не подходил к ней, делая вид, что это зовут не его. Но его мать направилась к нему, гневно спросив его, почему он не отзывается. Одноклассники евреи торжествовали.

Дома мне мама объяснила, что Изю перевели в школу, где я учился, потому что в прежней школе, расположенной в рабочем районе, ребята не давали ему прохода, а попросту говоря, били. В разговорах с одноклассниками я обнаружил, что большие недостатки имеют и кавказские народы, торгующие на рынке, включая и тех, кто на рынке не сидит.

Считалось, что американцы не умеют воевать, а немцы для некоторых русских ребят почему-то внешне напоминали евреев. По утверждению некоторых ребят немцы уничтожали евреев за то, что евреи были похожи на них. Рассказывали мне много анекдотов про евреев, предупреждая, чтобы я не обижался. Наиболее смешным в подавляющем числе анекдотов было то, что действующего персонажа звали Абрамом, а женщину Сарой. Второй причиной, вызывающей смех была речь Сары и Абрама, которую коверкали. Содержание анекдотов было юмором для людей с полностью отсутствующим интеллектом.

Слушая рассказчика анекдотов, люди наслаждались исковерканным языком, на котором якобы разговаривают евреи и именами персонажей. Они не замечали, что их собственная речь может служить темой для более смешных анекдотов. Единственной нацией в СССР, да, пожалуй, и в мире, не имеющей недостатки, были русские.

Даже немцы изображались карикатурно как вояки. И было не понятно, почему они за считанные месяцы захватили гигантскую территорию в СССР, подойдя вплотную к Москве.

В анекдотах с участием людей разных национальностей, русские без особого напряжения, с ленцой, одерживали верх над всеми другими народами, включая картавых евреев.

Евреям русские сообщали, что воевать они не умеют. Единственным настоящим занятием для евреев по их мнению считалась работа в магазине, где они обсчитывали и обвешивали простых русских покупателей, обворовывая их.

В годы моей молодости мы, уже будучи людьми с высшим образованием, часто ездили в колхозы, использовавшие бесплатный труд инженеров при выполнении различных крестьянских работ. Однажды в колхозе после работы ко мне подошел работник отдела информации по имени Боря.

– Слушай, – обратился он ко мне, – можно я задам тебе один вопрос, который очень меня интересует? Только не обижайся! Идет?

Я кивнул головой, показывая всем своим видом, что не обижусь.

– Слушай, – опять обратился он ко мне, – у нас говорят, что, если еврею показать приготовленную курицу, то он не сможет устоять и тут же набрасывается на курицу и начинает ее есть даже без всякого приглашения.

Я вспомнил, как в одну из поездок в колхоз с нами поехали два азербайджанца. В предыдущей поездке в колхоз они были пойманы на гороховом поле, где запасались горохом на ужин. Случай был доведен председателем колхоза до сведения руководства института. Банальному случаю была придана идиотская окраска.

На следующий день, когда мы отправились в поле на работу, к нам неожиданно подкатил институтский мини автобус, из которого вышел заведующий одного из отделов. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что азербайджанцы находятся далеко от остальной массы работающего народа, заведующий отделом сделал нам знак, чтобы мы плотнее собрались вокруг него.

Он тихим голосом сообщил сгрудившимся вокруг него людям национальные особенности азербайджанцев. Оказывается, что, когда они видят горох, то не могут сдержать себя и бузуют по его словам себе за пазуху и куда попало.

– Так что посматривайте за ними, закончил беседу посланец института.

Вернемся к вопросу Бори. В колхозе не вкусно и плохо кормили, и я предложил Боре провести опыт с курицей на мне. Заодно и вкусно покушаем.

– Нет, – сказал он, а кроме шуток, вы действительно не можете себя сдержать?

– Что до всех евреев, то я не задумывался над этим, – ответил я.

– Но, что касается меня самого и ситуации, сложившейся в колхозе, то в случае хорошо зажаренной курицы не смогу сдержать себя.

И все же, после таких расспросов, я оторопел. Я вдруг понял: чтобы убедить весь русский народ в том, что евреи не употребляют кровь христиан в мацу ни в каких целях, потребуется гигантская работа, результаты которой невозможно предвидеть. При этом я не верил, что даже после большой разъяснительной работы удалось бы убедить всех русских в том, что евреи этого не делают вообще.

Я помню день, когда еврея Волынова запустили в космос. В одном из отделов нашего института я услышал горячую реакцию одного из патентоведов на это событие.

– Ну все! Еврея запустили, теперь и в космосе порядка не будет!

В одном из своих полетов Волынов справился со сложнейшей ситуацией при посадке космического корабля, перейдя на ручное управление. Но антисемита ни в чем не убедишь.

Познакомившись с историей евреев, я понял, что плата за все, что они сделали для могущества СССР, будет, как всегда одна и та же: презрение, выраженное от имени русского народа питекантропами типа Макашова или писателей типа Солженицына. В конечном итоге обстоятельства в жизни со временем еще в школе полностью вылечили меня от желания стать русским.

Я люблю тонкий слой настоящей русской интеллигенции. Я мог бы назвать множество имен, которые мне дороги, Их много этих людей, но еще значительно больше Макашовых, **Распутиных,** Солженицыных и других скудоумных антисемитов. Как говорил один из героев

рассказов О'Генри полицейский, прислушиваясь к сражению мужа Мак-Каски с его женой, что супруга тяжелее Мак-Каски на 5 фунтов. Дай бог удачи Мак-Каски. Так пожелаем удачи и борцам с антисемитами, ибо они значительно легче и их очень мало по сравнению с ордами Макашовых во всем мире.

Прошли года. Я с улыбкой вспоминаю, как я хотел когда-то быть русским. Реальная жизнь подсказала мне, что этого не стоит хотеть. Я уже давно, с незапамятных времен, не хочу быть русским. Я вспомнил, что даже по-настоящему великий писатель Чехов был антисемитом, несмотря на дружбу с Левитаном.

Антисемитизм это неизлечимая болезнь. И ничто не может вывести человека из этого состояния. Это внутреннее состояние ума и души человека. Чехов, как об этом свидетельствуют факты, дружил с Левитаном, он восхищался его картинами, но это не мешало ему быть антисемитом.

Особый интерес представляет случай с Нагибиным, прожившим часть своей жизни полуевреем, считая своего отчима-еврея родным отцом. Нагибин не был антисемитом, но и он хотел, не зная в тот период жизни истинного положения вещей, чтобы отец у него был русским. Он прошел основные этапы своего формирования, считая себя полуевреем, и будучи незаурядным человеком, и обладая к тому же большим умом и сильным характером.

Узнав, что его родной отец русский, и став полностью русским, не бросился в объятия генералов типа Макашова, как это делают многие полукровки и некоторые недоумки из евреев, с детства не смогшие победить свой комплекс неполноценности. Нагибин стал по настоящему великим русским. К сожалению Нагибиных очень мало.

Еще в школьные и студенческие годы я обратил внимание, что особенно противны и неприличны евреи, официально изменившие свою национальность, фамилию и другие атрибутики. Они вызывали во мне огромное **отвращение и для меня более мерзки,** чем другие антисемиты. Я вспомнил **Примакова,** который, демонстрируя свою преданность русским, водил дружеские отношения с самыми отпетыми мракобесами из арабских и других стран, и служил верой и правдой, прогнившим и деградировавшим советским вождям. Всегда с пеной у рта он ругал Израиль, американцев и дружил с Садамом Хусейном. **Примаков** мне напоминал евреев-отщепенцев, принявших крещение при Богдане Хмельницком, а затем активно участвовавших в резне евреев.

Примакову русские юдофобы прощали даже его семитскую внешность, так как он высказывал их сокровенные мысли в отношении Израиля и США.

Евреям, потакавших власть предержащим держимордам и выказывавшим квасной патриотизм, в высших эшелонах власти прощали их происхождение и иногда принимали в свое сообщество как наверху, так и внизу в стане русских «патриотов» в худшем смысле этого слова.

Еще с детства, этот тип евреев вызывал у меня физическую брезгливость. Я помню, как мой одноклассник доказывал мне, что его отец, носивший еврейскую фамилию вообще не еврей. Прошло время и уже давно его дети и внуки живут в Израиле.

Я, преодолевший ценой значительных усилий свой комплекс неполноценности, не прощал тех, кто уже в зрелом возрасте продолжал страдать и угождать различным подонкам.

В качестве характерного примера приведу К.Маркса, у которого предки были не в одном поколении раввинами, но который в жизни, будучи выкрестом, возомнил себя немцем и был антисемитом. За учение Маркса евреи заплатили кровью, кровью за учение антисемита Маркса, мать которого, живя в Германии, будучи голландской еврейкой, так и не научилась никогда говорить по-немецки.

Прошло много лет с тех пор, как я еще в незрелом возрасте пытался проанализировать советское общество. Я тогда не все понял. Но от одного чувства я избавился, я перестал хотеть быть русским.

8. Игра в казаки – разбойники

Я часто с ребятами и девочками с нашей улицы играл в эту игру, когда наступала ночь. Все, кто был на улице в начале игры, делились на две команды: мальчиков и девочек. Обычно, с девочками договаривались заранее днем об игре. Ребята моего возраста, старше или младше меня, в пределах одного года, не представляли интереса для девочек. Мы выполняли разные поручения от старших ребят или болтались, бегая за ними. Девочки были разбойниками. Они прятались. Их надо было найти, задержать и выпытать пароль.

Обычно старшие ребята старались договориться, как они будут пытать девочек, чтобы выпытать пароль. Наш главный казак пообещал нам, что при пытках девочек, он попробует раздеть какую-нибудь из них.

Игра начиналась с момента, когда старший из ребят, или вернее более сильный из нас подросток что-то говорил девочкам на ухо. Ребята улыбались. Затем следовал сигнал, и девочки начинали прятаться. Нашей задачей было выследить их место дислокации, догнать и поймать.

Наша городская улица ничем не отличалась от деревенской. В ней было много дворов, в которых росли кусты сирени, фруктовые деревья и клены. На улице росли, в основном, акации и клены. Ночь и деревья придавали какую-то таинственность всему происходящему. Младшие ребята понимали, что должно произойти что-то необычное при пытках девочек.

После некоторых злоключений девочек ловили. Вокруг пойманных девочек собирались старшие ребята, а девочки вызывающе смело смотрели на ребят, показывая всем своим видом, что пытки им не страшны. Особенно красивой была Женя, практически сформировавшаяся в красивую девушку.

Вожак ребят подошел к ней. Все затаили дыхание. Но он начал что-то мямлить и предложил ей поменяться ролями. На лицах девочек отразилось откровенное разочарование, но они согласились. Теперь они казаки, а ребята разбойники. Ребята начали прятаться, попутно упрекая вожака в трусости. После поимки ребят картина повторилась. Ни на что серьезное девочки не решались тоже. Время решительных действий еще не наступило.

9. Быт

В один из дней нас, небольшую группу ребят, пригласил Аленка к себе во двор. Когда мы собрались, Аленка попросил нас помочь его отцу отремонтировать сарай, стоявший в глубине двора.

Я увидел объект нашей работы, и мне захотелось расплакаться. За жилым домиком-халупой, расположенным у входа в сад, стоял сарай, вернее то, что осталось от него: крыша и одна хлипкая деревянная стена. Крыша вместе с прикрепленной к ней стеной, держалась на трех досках, упиравшихся противоположными концами в землю. Доски покосились в разные стороны и, так как между досками не было согласия, как падать, они, вопреки здравому смыслу, стояли.

Через некоторое время показался отец Аленки, решительного вида человек, который работал часовым мастером. У него были густые черные волосы на голове, усики и глаза черного цвета. Усики и глаза придавали ему некоторое сходство с Чарли Чаплином. За ним, не скрывая своего презрения на лице, семенила теща, старая бабка – родная бабушка Аленки. Бабка была глубоко верующей православной, а зять у нее, надо же такому случиться, был евреем. Зять и теща не любили и не уважали друг друга.

К огорчению бабки ее старшая дочь, будучи замужем за евреем, всегда держала сторону мужа и была со своей матерью откровенно грубой. Грубым с бабкой был и ее старший нелюбимый внук полуеврей Аленка. У бабки было еще две дочери. Одна из них умерла при родах сына Витьки, ставшего впоследствии любимым внуком бабки.

Внук Витька со дня рождения был усыновлен и выкормлен другой дочерью бабки, заменившей Витьке родную мать. Эта дочь никогда не была замужем и была любимой дочкой бабки. Втроем они жили в первой проходной комнате двухкомнатного домика. Во второй комнате проживал Аленка с родителями.

Отец Аленки разделил нас на две бригады, он не успел отдать распоряжения по работе, как к месту работ – скелету сарая стали подтягивался жильцы из соседнего дома.

– Что вы собираетесь делать? – нагло спросил один из них.

– Да вот, с гордостью ответил отец Аленки, – есть у меня мыслишка отремонтировать сарай, и он кивнул в сторону останков сарая.

Здесь я должен дать некоторые разъяснения. Во времена нашего детства СССР еще не достиг по быту уровня древней Римской империи, в которой существовали водопроводы и канализация. На улице, где я жил, во всех дворах были выгребные ямы, над которыми возвышались деревянные кабинки, в которых уединялись жильцы для отправления естественных надобностей. У Аленки во дворе не было даже такого туалета, и они справляли естественные надобности прямо на землю во дворе. Уцелевшая стенка сарая служила ширмой для, справлявшего нужду человека, закрывавшая его нижнюю часть, а попросту говоря, голый зад от нескромных взглядов соседей.

А, если быть еще точнее, то стенка скрывала от справлявшего нужду человека взоры соседей, одновременно открывая им его интимные места во всей красе для обозрения. Стенка не была опорой, а держалась за крышу. Еще одним ее недостатком было то, что она не доходила до земли, вследствие чего голый зад человека и остальная его нагота были доступны всем любопытствующим из соседского дома.

Из инструментов для ремонта останков сарая у нас были только молоток и гвозди. Соседи выразили сомнение в целесообразности реализации задумки отца Аленки.

Особенно неистовствовала женщина средних лет.

– Мне надоела любоваться вашими голыми сраками! – орала она.

– Но хоть, благодаря стенке, никак не разберу, чью это сраку я каждый раз конкретно наблюдаю, – призналась она.

– А теперь еще и ссать начнете прилюдно без всякой маскировки этого самого места у мужиков. Да что это такое делается? – возмущалась она. Она не верила в успех затеянного ремонта и не скрывала этого.

Прошло 20 минут времени, соседка устала орать и молча уставилась на нас. Отец Аленки решительно объявил о начале работ по ремонту сарая.

Теща отца Аленки, она же бабка, слушавшая с выражением одобрения на лице вопли соседки, после заявления зятя о начале работ по ремонту сарая, опять сменила выражение своего лица на презрительное.

Уже, не обращая внимания ни на кого, отец Аленки подобрал с земли четыре наполовину сгнившие доски, валявшиеся под крышей сарая. Он разбил всех ребят на три бригады по два человека в каждой и вручил по одной доске каждой бригаде, оставив себе с напарником одну доску.

– Слушай мою команду, – сказал он.

– Я с Витькой действую в самом тяжелом месте, где угол крыши дома не подперт ничем. Вы (обратился он к трем оставшимся бригадам) становитесь с противоположной от меня стороны и напротив меня по диагонали. По моей команде вы осторожно подносите концы досок к углам крыши, слегка приподнимаете ее за доски, и аккуратно противоположные свободные концы досок втыкаете в землю. Не резко, но достаточно сильно налегаете на доски, чтобы они как можно глубже погрузились в землю. После окончания этой несложной процедуры мы получим подпорки во всех углах сарая (так он величал жалкие останки сарая), – продолжил он свою мысль.

Какие были планы у отца Аленки по дальнейшему ремонту сарая я так и не узнал. После того, как мы отошли от вставленных подпорок, чтобы полюбоваться на проделанную работу, раздалось что-то наподобие жалобного стона и останки сарая со стенкой, крышей и подпорками рухнули к нашим ногам. Стоявшая и наблюдавшая за катастрофой останков сарая бабка плюнула и подытожила наши труды.

– В жопу тебе еще одну подпорку, – сказала она, обращаясь к зятю, четко выговаривая каждое слово. И она смачно опять сплюнула.

– И загнать тебе эту подпорку так, чтобы ты ходил с ней до конца жизни.-

И она поковыляла в дом. Зять не удостоил ее взглядом. А мы потихоньку, не предав прах сарая, как это положено, земле, и не глядя друг на друга, начали расходиться.

В споре по ремонту сарая победило предвидение женщины-соседки. Ибо с этого момента она начала лицезреть во всей красе и наготе обитателей дома, в котором жил Аленка. Более ей не приходилось, глядя на обнаженный зад, или еще больше фасад, справляющего нужду человека, гадать о принадлежности того или иного предмета конкретному хозяину.

10. Купание в жаркие летние дни

Был жаркий июльский день. Стояла нетерпимая духота. Состояние тела и души было таковым, что каждый вздох казался последним. Потом ручьями тек по телу. Помыться можно было только в тазике, предварительно нагрев в нем воду, чтобы при мытье теплой водой хоть как-то смыть пот, перемешавшийся с уличной пылью.

Я выглянул в окно, выходящее в соседний двор и увидел тяжелую картину. Посреди двора стоял Пашков в одних трусах и громко мычал. Дело в том, что еще год назад он работал на заводе мастером. Он был женат и имел трех дочерей, которых надо было кормить и одевать. Дочери подрастали и с каждым днем делать это становилось, особенно, если учесть неработающую жену, все труднее. Поискам путей решения задачи содержания семьи Пашков посвящал все свое свободное и несвободное время.

Как это часто бывает, неожиданно пришло решение, хотя и немного нестандартное. Имея в своем подчинении рабочих, работающих сдельно, он стал приписывать им выполненную работу несколько более большого объема, чем они выполняли в течение месяца. Рабочие стали зарабатывать больше, чем раньше. Но часть от более высокой зарплаты они отдавали Пашкову. Учитывая, что даже после выплаты определенной мзды Пашкову, величина зарплаты рабочих была заметно выше прежней, можно было предположить, что рабочие будут довольны вновь создавшимися обстоятельствами и изобретательностью мастера. Но в семье не без урода. Кто-то из рабочих заложил мастера.

Началось следствие. Рабочих вернули к старым временам более низкого заработка, а Пашкову, после бесед со следователями, начали сниться тяжелые сны. В один из дней, придя от следователя и понимая, что арест и тюрьма близки как никогда, Пашков с трудом уснул, а утром он не только не смог встать, но **лишился дара речи.** Тяжелый инсульт поразил его голову, отнял ногу и речь. Позднее ногу отпустило, но речь так и не восстановилась. В таком состоянии его уже не судили, а с работы уволили и передали на попечение семьи.

И вот теперь он стоял посреди стола и мычал. Вышла жена и начала избивать Пашкова, нанося удары куда попало по спине и плечам. Физически Пашков не мог защищаться. Он стоял и только сильнее обычного мычал. Устав бить Пашкова, жена взяла ведро с водой и окатила из него водой Пашкова. Затем она взяла второе ведро и повторила процедуру. После этого она опять принялась бить Пашкова. Но на этот раз она била слабее.

Закончив такой странный массаж, она вытерла Пашкова и, толкая его и одновременно придерживая за руки, **завела** его в дом. А я, потрясенный увиденной картиной, представил себе, как они в молодости ходили на свидания, возможно, объяснялись друг другу в любви. И вот финал этих чувств и совместного проживания. Ни одна из дочерей не остановила мать. Значит они разделяли ее чувства. Пытаясь создать подобия приличной жизни для дочерей и жены, глава семьи пошел на все, и получил вознаграждение в виде ежедневных унижений и избиений. С чего начал, а чем закончил.

Я отошел от окна и включил радио. Шла передача об улучшении быта и необыкновенном росте культуры у советского народа.

11. Наш сосед Федор Петрович

Наши дома, Федора Петровича и дом, в котором я жил, стояли рядом. Наши соседствующие дворы отделяла легкая разделительная перегородка, которая была выполнена из металлических железных пластинок, почти прозрачных из-за множества круглых отверстий в них. Отношения с Федором Петровичем сложились прекрасные. Федор Петрович в нашем дворе чувствовал себя как в своем. Он прекрасно знал, **в каком** месте находится любая вещь в каждом из четырех сараев, каждый из которых принадлежал разным семьям, проживавших в нашем доме.

Отношения всех жильцов нашего двора с Федором Петровичем сложились прекрасные из-за его почти мягкого характера. Три раза в день: утром, днем и вечером, Федор Петрович окидывал наш двор хозяйским взглядом, не произошли ли в нем какие-либо изменения. И, если кто-либо в течение дня привозил для своих нужд: глину, песок, уголь, краску для ремонта, строительные доски, рубероид и так далее, то Федор Петрович спешил снять с этих материалов пробы. Набрав два ведра угля, строительных досок, глины, или прихватив рулон рубероида, Федор Петрович направлялся с добычей к себе во двор, где высыпав или разместив принесенное, начинал наблюдать за нашим домом. Если не было никакой реакции на его работу, Федор Петрович направлялся за новой порцией добычи.

Но при этом следует отметить безукоризненную честность Федора Петровича. Если хозяин материала замечал работу Федора Петровича и сообщал ему, что материал он привез для своих нужд, Федор Петрович тут же прекращал переносить материал с нашего двора в свой. При этом он удивленно замечал хозяину материала, что взял немного материала для своих небольших нужд, так как считал, что материал бесхозный и никому не нужен. Если материал в течении дня не заносили в сарай, то ночью аккуратный Федор Петрович совершал еще несколько ходок. Но при этом брал не очень много, так как понимал, что хозяину материал тоже нужен.

Пил он мало, и, в основном, если угощали. Выпив, приходил в хорошее расположение духа. Иногда вспоминал немцев. Говорил, что при них был порядок. Мы были евреями, а немцы, надо понимать, научили Федора Петровича брать у евреев все, что ему хотелось. Таковы были порядок и нравы при немцах. И Федор Петрович совершенно здесь не виноват и не при чем. Ко многим своим соплеменникам относился недоброжелательно. Оккупация немцами города ничего им не дала и не приучила к порядку. Могли пропить последние деньги, а некоторые, выпив, завалиться и отдыхать культурно в траве или на помойке.

12. Степан

Когда я впервые увидел его, Степан уже был немолод, прошел войну рядовым. Его выцветшие глаза когда-то были серыми, а худое, почти высохшее, тело сливалось по цвету с высохшим из-за жаркого и сухого лета бурьяном, росшим в изобилии во дворе. Средней длины нос и полный безразличием ко всему окружающему взгляд дополняли общую картину. Он никогда не улыбался. Была середина июля – разгар лета, листья обвисли на деревьях, стояла удушающая жара.

Степан ремонтировал нам сарай. Возле Степана крутился студент Федька, снимавший угол у нашей соседки и что-то ему рассказывал, поглядывая на меня. Когда я подошел к ним, Федька куда-то сразу ушел. Степан, глядя вслед уходящему Федьке, укоризненно **покачал головой, а затем, обращаясь ко мне, сказал:**

– Ну Федька и антисемит! Затем он опять слегка покачал головой, и укоризненно добавил:

– Законченный антисемит!

Я не стал выяснять, чем Федька поразил Степана. Мне было неинтересно. Я спросил Степана, закончил ли он ремонт внутри сарая. Он ответил, что да, и я решил оценить качество ремонта и направился в сарай.

Когда я вышел из сарая, я с удивлением увидел, что Степан подошел к забору, отделявшего наш двор от двора Федора Петровича, и перебросил через забор один из рулонов рубероида, лежавший на траве и предназначенный для ремонта крыши нашего сарая. На мой вопрос, для чего он это сделал, Степан сказал, кивнув в сторону двора Федора Петровича:

– Они попросили.

– Они вчера пытались взять себе этот рулон, – повторяя стиль Степана, сказал я, и я объяснил им, что мне он самому нужен, и **это мне не нравится.**

– Я этого не знал, – сказал Степан. Не хотите как хотите. С этими словами он зашел во двор к Федору Петровичу, взял рулон с рубероидом и вернул его на прежнее место, дружески подмигнув мне. Я подошел ко двору Федора Петровича и увидел, что там лежало пять наших досок. Я указал на доски Степану.

– Нехай будут там, – сказал Степан, – на ремонт сарая хватит тех, что остались.

Я пошел в дом и стал из окна наблюдать за Степаном. Было около шести часов вечера и Степан стал собираться домой. Зашел в наш двор Федор Петрович. Под мышкой он нес недопитую бутылку водки и что-то завернутое в газету.

Он сел на скамейку во дворе и поманил пальцем Степана. Федор Петрович развернул газету, в которой оказались два стакана и два малосольных огурца. Степан присел рядом, разлил водку по стаканам. Они выпили, поморщились и закусили. Федор Петрович был рачительным хозяином и даром никому ничего не давал. – Значит, Степан заработал на поставках некоторых наших материалов в фонд Федора Петровича.

Федор Петрович сразу же ушел в дом. Я решил выйти из дома и подойти к Степану.

– Эх жизнь, – увидев меня, сказал Степан. – Бывало, на войне идешь в атаку и думаешь, что сейчас тебя укокошат, а славы никакой. Хорошо еще, если похоронят. Помню, наш взвод постоянно нес потери. Только его доукомплектуют после сражения, ан смотришь трети, а то и половины, и больше, уже нет. Так воюем мы, а хоть бы какую-то награду, медальку какую-то, или хоть бы кто плюнул в нашу сторону. И так это продолжалось, уже не помню как долго, как идет к нам почтальон, еврей, между прочим, и письма несет. А на груди у него два ордена болтаются. Обступила его братва и спрашивает, за что он получил ордена. А он и говорит:

– А кто вам виноват. Трясите своего командира, пусть он на вас представления пишет.

С той поры взяли мы в оборот наших командиров и стали их трясти. Пошли ордена и медали. И так пошли, что некоторые награды не помню за что. А еврея того убило во время артобстрела, – без всякой связи со сказанным, с некоторым удовлетворением закончил Степан. – Но кое-чему он успел нас научить.

11. Школа

Начальные классы (1–4)

Я переступил порог школы, в которой ученики заканчивали первые семь классов, а затем переходили в среднюю школу. Это было время, когда к власти в стране еще не пришел Л.И. Брежнев, при котором для получения свидетельства об окончании школы было достаточно только числится в ней, и когда после истечения положенных лет формального пребывания в школе, числящийся в ней учащийся получал о ее окончании необходимый документ.

Еще не наступили времена, когда такой недалекий и примитивный человек как Брежнев, с интеллектом и кругозором кухарки, стал во главе огромного государства (сбылась мечта вождя всего мирового пролетариата и прогрессивного человечества Ленина, предрекавшего, что придет время и каждая кухарка будет способна управлять государством).

Так как кухарка сможет управлять государством (аксиома Ленина), а образование для выполнения работы кухарки не нужно, то, следовательно, образования для занятия любой более низкой должности, чем глава государства, тем более не нужно (это уже строгое доказательство). Такие наступили времена.

Поэтому в добрежневские времена в школе ставили двойки нерадивым ученикам, и даже оставляли их на второй год. Успеваемость ученика в классе требовала от последнего определенных усилий. За полное незнание предмета по математике или по литературе оставляли на второй год, и некоторые ученики, полностью неспособные освоить математику, сидели в одном и том же классе по нескольку лет, едва переползая из класса в класс. В течении этих немалых лет неуспешной учебы они начинали бриться в шестом или седьмом классе, и, окончательно возмужав в седьмом классе, уходили учиться в фабрично-заводские училища. После окончания училищ, овладев рабочей профессией, они шли работать на заводы, в изобилии пребывавшие в моем городе на Донбассе.

Моим классным руководителем в первом классе и одновременно преподавателем всех предметов оказалась немолодая полная женщина с добрыми глазами. Звали ее Валентина Прокофьевна.

Она завела нас в класс, посадила за парты и сделала перекличку, запоминая каждого по фамилии. Где-то уже на третьем уроке она знала каждого из нас в лицо и по фамилии.

Некоторые из детей пытались резвиться, **перебегали с места** на место или, смеясь, громко выкрикивали что-то во время урока.

Она быстро пресекла всякие нарушения дисциплины. Сначала она подошла к одному из кричавших и профессионально, с размаху, ударила его правой рукой наотмашь по лицу. Как говорят боксеры, провела хук правой рукой, но не кулаком, а ладонью. Удар получился неплохой и ученик еле сдерживался, чтобы не заплакать.

После этого, не теряя времени, она поймала за ухо ученика, который нарушал дисциплину и был расположен близко от уже потерпевшего. Она нагнула его лицо к парте за ухо и несколько раз вытерла поверхность парты его лицом.

– Скотина, – сказала она ему, – попробуй еще раз сделать такое!

Воцарилась гробовая тишина, и дети сразу поняли, что цена в виде оплеух за каждый проступок достаточно высокая.

Она села на свое место, вытерла широким жестом ладони снизу вверх свой нос и, описав почти пол круга ладонью, вернула ладонь на место и успокоилась; глаза у нее стали опять добрыми.

– Говорила себе, что не буду расстраиваться сразу. А вот, поди ж ты, не выдержала, сказала она, обращаясь к притихшему классу.

Далее она попросила достать тетради, и мы начали в тетрадях для письма писать палочки и подобные премудрости, предшествующие написанию букв.

Не все получали оплеухи, но все старались сделать задание хорошо, ибо награда за некачественную работу быстро находила своего героя. Помню, уже во втором классе, были небольшие диктанты, а на следующий день начиналась разборка качества работ. Она открывала тетрадь и говорила ласково, обращаясь к жертве:

– Помазан, подойди ко мне.

– Не хочу, – говорил Помазан.

– Встань, скотина, когда с тобой разговаривают, – все еще ласково говорила она. И в качестве пряника добавляла:

– Бить не буду.

Помазан, как кролик, гипнотизируемый удавом, медленно шел к ее столу.

– Быстрее, – говорила она, внимательно следя, за приближающимся Помазанном.

– Ты посмотри, все еще добрым голосом говорила она, – что ты написал?

Помазан наклонялся, чтобы увидеть написанное. Это было его роковой ошибкой. Ибо, как только его голова приближалась к столу с тетрадью, Валентина Прокофьевна правой рукой хватала его за ухо и начинала лицом возить по тетради на столе, надо полагать для того, чтобы он хорошо запомнил исправленные ошибки. При этом она приговаривала:

– Ты посмотри скотина, что ты написал?

В какой-то момент она отпускала ухо несчастного Помазана, а другой свободной рукой давала ему звонкую затрещину. Помазан начинал тихо плакать, а вконец расстроенная Валентина Прокофьевна, как всегда приговаривала, словно оправдываясь перед собой:

– Говорила же, что бить не буду. Так ведь расстроил же скотина.

Она вставала и наотмашь давала с размаху Помазану оплеуху и отправляла его на место. В это время лицо ее выражало гнев, и она всей пятерней вытирала свой нос. После завершения процедуры наказания Помазана, Валентина Прокофьевна откладывала в сторону его тетрадь, и склонялась над следующей тетрадью.

– Волчков, – вызывала она, подойди ко мне.

Волчков не хотел идти.

– Иди, скотина, ко мне. Если встану – хуже будет, с добротой в голосе говорила Валентина Прокофьевна. Волчков не шел. Тогда Валентина Прокофьевна направлялась к нему.

Надо ли говорить, что к экзекуции Волчкова добавлялось несколько оплеух и подзатыльников, которые он дополнительно получал, пока шел, если так можно выразиться, к ее столу. Волчков начинал плакать еще только при приближении Валентины Прокофьевна и этим еще больше расстраивал и огорчал Валентину Прокофьевну, вынуждая давать ему дополнительные оплеухи как у парты, так и во время их следования вдвоем к столу Валентины Прокофьевны.

Разбор ошибок диктанта шел обычно целый урок по одной и той же схеме. Затрещин и подзатыльников не получали только те, кто хорошо справился с работой. Кто получал замечания за плохое поведение во время уроков, дополнительно, в виде наказания, после уроков направлялся в кладовку на перевоспитание. Обычно число учеников, направлявшихся для исправления в кладовку, составляло около половины класса. В это число, независимо от поведения, входили и те, кто плохо написал диктант или получили плохие оценки на уроках.

Награды за поведение тем ученикам, которые сделали какие-либо нарушения дисциплины при пребывании в кладовке, раздавались на следующий день в начале занятий. Получив с утра порцию оплеух и увесистых затрещин, нарушители дисциплины сидели притихшие, мужественно перенося боль после затрещин, оплеух и подзатыльников, которые, если давались ниже спины, назывались уже подсрачниками.

Если Валентина Прокофьевна приходила с утра в очень хорошем настроении, все знали, что сейчас будут поручения.

– Кто знает, где сегодня будут давать пшеничный хлеб, а не пеклеванный? – спрашивала она. На Донбассе в послевоенные годы люди голодали, и дешевых продуктов не хватало.

– В обкомовском магазине, говорил кто-то из учеников.

– Иди ко мне, – говорила Валентина Прокофьевна, и давала деньги говорившему.

– Кто знает, где сегодня будут продавать пирожки с мясом по сорок копеек? – спрашивала она и ссужала деньги, вызвавшемуся купить эти пирожки. Раздав поручения добровольцам, Валентина Прокофьевна принималась за урок.

Если Валентина Прокофьевна заболевала, то замещать ее не соглашалась ни одна учительница, ибо сдержать орду орущих и хулиганивших детей никто не мог. Другими учителями воздействие на учеников методами Валентины Прокофьевны не применялись и о методах обучения, которые применяла Валентина Прокофьевна, ходили легенды.

Валентина Прокофьевна ушла из школы неожиданно. Во время перемены она провела удар правой в челюсть ученику из чужого класса. Удар оказался, по физическому воздействию на неподготовленного к такому педагогическому приему ученика, очень сильным. Родители ученика не оценили педагогического мастерства Валентины Прокофьевны и написали жалобу. Чтобы замять скандал, Валентине Прокофьевне пришлось уйти на пенсию.

Когда я пришел в пятый класс, и у нас стали преподавать предметы различные учителя, я был наиболее успевающим учеником в классе. Сказалась привитая мне Валентиной Прокофьевной за годы обучения в начальных классах, тяга к знаниям. Начиная с пятого класса, метод раздачи оплеух и затрещин при обучении учеников, учителями тоже не использовался, и дисциплина на уроках в классе резко покатилась вниз.

Классы с 5 по 7

Он помнил свою первую семилетнюю школу. Двухэтажное небольшое здание с очень небольшой прихожей, в которой на столике стоял бак с питьевой водой и краником внизу. Металлическая кружка для питья была посажена за ручку на цепь, другой конец которой был закреплен на баке. Незамысловатая конструкция для приема воды, на таком языке выражалось такое действо в армии, позволяло сохранять работоспособность устройства в течение длительного времени, так как не позволяло похищать кружку.

Завхоз школы, заимствовавшая изобретение у других учреждений, наблюдала с любовью и гордостью за процессом питья. Раньше, до использования цепи, объясняла она, проходящим мимо питейного устройства учителям, срок службы кружки до ее похищения, составлял не более половины рабочего дня. А теперь случается и неделю простоит, а иногда и больше.

Из кружки пили воду всей толпой, часто даже не ополаскивая ее после питья кого – либо из учеников. Туалет во дворе школы на несколько дырок в полу для отправления естественных надобностей, грязный и засраный где попало, возникала боязнь вступить в дерьмо, едва вы переступали порог туалета.

И даже эти унылые картина беспросветной нищеты, не могла убить в нас чувство благодарности к вождю Сталину за то, что он создал для нас такое счастливое детство. Транспарант со словами: спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство, висел напротив бака с водой для питья.

География

Географию нам, с пятого по седьмой класс, вплоть до выпуска из семилетней школы, преподавала Вера Николаевна. Она всегда приходила в класс с указкой и не выпускала ее из рук в течение всего урока. Рассказывала она интересно, удачно шутила и в течении трех лет, на обращавшихся к ней учеников с каким-либо вопросом типа: «Вера Николаевна, а что мы будем изучать в следующем классе, если мы уже прошли всю географию», отвечала, что она

уже 30 лет Вера Николаевна, а этот вопрос пусть спрашивающий задаст ей в следующем году в это же время.

За три года нашего обучения возраст ее не изменился ни на один год. Она одна, без мужа, воспитывала дочку. Иногда ее после уроков видели с учителем математики Адольфом Евсеевичем, который был женат и имел двух сыновей.

Тогда обычно на следующий день дети сообщали Вере Николаевне, что видели ее с Адольфом Евсеевичем, например, после уроков в парке, который находился недалеко от ее дома, где она жила. Она каждый раз покрывалась румянцем и говорила, что с ней был не только Адольф Евсеевич, была также еще и учительница русского языка Елена Васильевна. Но коварные дети продолжали настаивать, что видели Веру Николаевну только с Адольфом Евсеевичем, приводя Веру Николаевну в состояние еще большего смущения.

Если кто-либо из учеников начинал шалить на уроке, стараясь привлечь внимание к своим шалостям других учеников, то Вера Николаевна быстро подходила к шалунишке и шутливо, но довольно сильно била его указкой по руке или по плечу, вызывая одобрительный смех остальных учеников. Все смеялись, кроме ученика, получившего удар указкой, и поглаживавшего ушибленное место. Каждый шутник получал такой удар в качестве поощрения за проделку. Удар был достаточно сильный и болезненный. Поэтому с течением времени шутники практически исчезли. Правда иногда находились отчаянные, но и им пришлось со временем отступить и перестать шалить.

И только один ученик, кличка которого была Ткачик, внимательно, не спуская глаз наблюдал за Верой Николаевной, ища изъяны в ее поведении, которые можно было бы использовать для хорошей шутки. Наконец он заметил существенный недостаток Веры Николаевны: она курила на уроке и у нее всегда была одна и та же марка папирос «Казбек». В то время это были дорогие папиросы, которые упаковывались в картонную коробочку типа портсигара.

Обычно Вера Николаевна, объясняя новый материал, подходила к столу, на который она в начале урока клала открытую коробку папирос. Не отводя взгляда от класса (так всегда требовала обстановка в классе), она, не глядя на стол, брала папиросу из коробки и, поднеся зажженную спичку, закуривала.

Ткачик решил использовать процесс прикуривания папиросы для осуществления придуманной шутки. Принеся из дома в школу пустую коробку «Казбека», он сбегал в грязный школьный туалет, стоявший во дворе и не побрезговал наполнить коробку жидким дерьмом. После этого он вернулся в класс и во время урока географии заменил коробку «Казбек» с папиросами – коробкой с дерьмом, гостеприимно оставив верхнюю крышечку коробки открытой.

Объясняя новый материал, Вера Николаевна, как обычно, не сводя с класса бдительного взгляда, подошла к столу и наощуп, опустив руку в коробку, пыталась взять папиросу. Не нащупав папиросы, Вера Николаевна, не отводя взгляда от класса, принялась елозить пальцами внутри коробочки, пытаясь взять папиросу.

При этом она непроизвольно, своими попытками исследовать содержимое коробки, доставляла удовольствие всему классу.

Через некоторое время ее лицо начало выражать недоумение. Почувствовав какую-то жижу под пальцами, она оторвала руку от стола с коробочкой и поднесла ее к своим глазам. Она не поверила своим глазам увиденному. Но запах, исходящий от пальцев ее руки, быстро подтвердил ее худшие подозрения по вопросу содержимого коробки.

Придя в волнение, и уже не владея собой, она с силой ударила указкой по столу, и задала риторический вопрос, кто это сделал? Этим вопросом она только доставила, удовольствие другим ученикам, не участвовавшим в проделке и, предвкушавших удовольствие от процедуры выяснения автора проделки.

Сразу же был вызван директор, который, не долго думая, взял одного из постоянных многолетних старожилов пятого класса – неоднократного второгодника Васю и увел его в

свой кабинет. В кабинете директор оказал силовое давление на многолетнего обитателя пятого класса, утверждая, что кроме него это некому было сделать, добавив при этом, что, если он не сознается, он исключит его из школы.

Бедный Вася был вынужден выдать автора эксперимента с коробкой «Казбека» Ткачика, который был исключен на месяц из школы.

Но состоявшийся воспитательный момент принес пользу не Ткачику, а Вере Николаевне, так как с этого дня она полностью прекратила курение в классе.

Украинский язык

Этот предмет с самого начала у учеников считался второстепенным. Те из учеников, которые не хотели учить украинский язык, а они составляли подавляющее большинство учеников в классе, утверждали, что украинский язык является испорченным русским. Изучать одновременно и русский и украинский языки – это, в конечном счете, не знать толком ни одного из них.

– Зачем учить украинский язык, когда на русском можно говорить везде, а на украинском языке почти нигде? – спрашивали ученики.

Из-за близости русского и украинского языков, некоторые ученики говорили, что они путают правила грамматики и пишут малограмотно на обоих языках одновременно. Их родители старались под разными предлогами освободить своих детей от изучения украинского языка. Так или иначе, но при таком отношении к предмету со стороны учеников и родителей, проводить уроки украинского языка для учителей была настоящей каторгой.

Екатерина Сергеевна, учитель украинского языка, в этом отношении не была исключением. Добрейшей души человек, она пыталась криком поддерживать дисциплину. Но дети сразу отличают настоящую твердую руку учителя от слабой.

В послевоенные годы ученики часто использовали железные ручки при письме. Они представляли собой полый железный цилиндр небольшого диаметра, в который с двух сторон вставлялись небольшие цилиндрики со вставленным в них пером и карандашом. Если ручку не использовали для письма, то цилиндрики вставляли в общий цилиндр пером и карандашом внутрь, предохраняя их от повреждений. При использовании ручки для письма, один из цилиндриков вставляли в цилиндр пером наружу и писали им, макая его в чернильницу с чернилами. В другой цилиндрик с противоположной стороны можно было вставить небольшой карандаш.

Но, если из общего цилиндра вытащить оба цилиндрика, то оставшийся в ваших руках полый цилиндр превращается в грозное оружие. Например, пережевав клочок бумаги, вы подносите цилиндр ко рту и резким выдохом жеванной бумаги, используя полый цилиндр как дуло маленькой пушки, вы можете стрелять жеванными кусками бумаги в других учеников, или, что еще более забавно, в учителя.

В последнем, наиболее интересном, случая, бумагу перед выстрелом тщательно пережевывают, смачивая обильно слюной. После небольшой тренировке в перестрелках с учениками вы начинаете с удовлетворением замечать, что стали метким стрелком, и с этой минуты начинаете искать более солидную цель – учителя.

Это делается далеко не всегда, а только в тех случаях, когда выбранный для этих целей учитель, не представляет большой опасности для вас, обладает плохой реакцией и не в состоянии засечь снайпера.

При попытке учителя поставить в журнал оценку ответившему ученику, или вызвать ученика отвечать к доске, он на какое-то мгновение опускает взгляд на открытый журнал, лежащий на столе с фамилиями учеников класса, и при этом, на небольшой промежуток времени, теряет из поля зрения класс и становится целью для настоящего снайпера.

Этого мгновения дожидается целый отряд снайперов, который выпускает залп по склонившемуся над журналом (или дневником ученика) учителя. Большинство шариков, смоченных обильной слюной снайперов попадает в цель: обычно это лоб учителя и его очки.

На украинском языке шли целые баталии между учениками. И, если кто-либо не участвовал в сражениях, то это в большинстве случаев означало, что ученик под партой держит заряженную пушку и ждет, когда учитель, потеряв бдительность, склонится над журналом или дневником. Опасно также было забирать дневники у нарушающих дисциплину, для того, чтобы после окончания уроков описать родителям успехи в учебе их сына. Ибо, записывая и обдумывая содержание жалобы в дневник ученика, вы рискуете попасть просто под оплевывание вашей спины учениками, стоящими после уроков за вашей спиной.

Необходимость работать, чтобы хоть как-то прокормиться, заставляло Екатерину Сергеевну ежедневно подвергаться всевозможным пыткам со стороны своих неблагодарных учеников. Но у нее не было выхода.

Я пытался сквозь гул и выкрики учеников расслышать хоть что-то, о чем говорила на уроке Екатерина Сергеевна. Но невозможность, даже при желании, услышать, что говорит учитель, заставило меня придумывать для себя какое-нибудь постороннее занятие или отдыхать, наблюдая за действиями неутомимых стрелков. Дать урок по предмету это труд. Согласно Марксу труд – это целесообразная деятельность человека… Мне трудно и сейчас определить эту целесообразность при проведении уроков по украинскому языку Екатериной Сергеевной.

Но определенные навыки, полученные мною на уроках украинского языка, все же пригодились мне гораздо позднее, но в неожиданной для меня области.

Я заметил, что Екатерина Сергеевна, пытаясь выйти из-под обстрела, меняла свою траекторию движения в классе. Но при этом она совершала одну и ту же ошибку. Эти траектории повторялись, и наблюдательный стрелок почти всегда мог предвидеть, куда направится в очередной раз Екатерина Сергеевна. Это облегчало задачу наведения цилиндра ручки, используемой как ствол в заранее в предполагаемое место перемещения учителя.

Я использовал эти наблюдения в более позднем возрасте, когда мне пришлось из пушки стрелять по движущимся макетам танков. Я первый из студентов догадался, учитывая, что танки каждый раз двигались по одной и той же траектории, как добиться попадания по танкам в 100 %. И помогли мне в искусстве точной стрельбы по мишеням, как ни странно, уроки украинского языка.

Приобретение дополнительных знаний на уроках по различным предметам

Я начну с некоторых советов учителям, хотя и не уверен, что они не устарели. И все же, руководствуясь только хорошими чувствами и доброжелательностью к учителям, рискну им дать советы, может быть, они им пригодятся:

– Будьте внимательны ко всему необычному при проведении урока в классе.

В мои времена у учеников почти не было возможности ознакомиться, как говорят вживую, о некоторых отличиях интимных мест у женского тела от мужского. Даже в старших классах учебник анатомии стыдливо опускал все, что относилось к этому вопросу, и я выучивший этот учебник и сдавший этот предмет на отлично, долгое время был убежден, что этих отличий нет. И это, несмотря на то, что сама жизнь пыталась убедить меня в обратном, подвергая сомнению правильность моих выводов. Но я верил больше учебнику, чем своим глазам.

Сейчас наступили времена, когда дети в детском саду знают про ЭТО (такое название получила эта тема на российском телевидении) больше, чем некоторые их предки в зрелом возрасте.

Великая передача про ЭТО дала не очень просвещенным народным массам и некоторой молодежи описание различных случаев и практических советов в интимных областях, безусловно способствуя росту интеллекта большого числа телезрителей. Я думаю, что время,

затраченное народными массами на просмотры этих высокоинтеллектуальных передач, без сомнения окупится.

Сейчас уже иные времена: прогресс во всех областях науки потрясающий, и он коснулся всего, включая быт и раннее познание таинств любви. На уроках учителям зрелого возраста в израильской школе ученицы задают вопросы, на которые учителя из-за пробелов в их образовании в школьные годы, просто не способны были дать грамотный ответ.

Простейший вопрос учительнице, заданный ученицей:

– Какими средствами учительница пользуется для предохранения от беременности во время полового акта с партнером, и как часто она меняет этих самых партнеров, вызвало у учительницы сначала состояние паралича, сменившимся, как и у Гаргантюа при разговоре с Пантагрюэлем на тему о подтирках, восторгом от необыкновенного интеллекта, развитости и культуры ученицы.

Но в мое время ученики 5–7 классов должны были использовать только рутинные технические приспособления, чтобы пополнять свои примитивные представления об ЭТОМ. В качестве начального прибора для приобретения начальных знаний про ЭТО использовался ботинок (или любая другая обувь, в зависимости от погоды, времени года и материального состояния родителей), на носке которого устанавливалось небольшое зеркальце. Когда учительница усаживалась за стол нога с зеркальцем устанавливалась против ее ног, демонстрируя ученикам, следящих за экспериментатором, ее белье или, если это было лето, более интимные подробности. Смотреть удобнее всего было с первой или второй парт. Ученики, сидящие на последних партах, менялись временно местами с учениками, сидящими на партах более близких к учительскому столу.

Состояние белья и других интимных подробностей не всегда, к великому огорчению малолетних исследователей, были в маленькое зеркальце четкими, но приходилось довольствоваться тем, что есть, не перебирая, как говорят, харчами, то есть объектом для исследований.

Возможность раскрыть более ясно изучаемый объект, достигалась за счет знаний в других областях, и прежде всего в области химии. В экстремальных случаях химия позволяла совершить скачок в этой области, а может быть и переворот.

Использования достижения науки с ее переднего края часто были сопряжены с риском (для молодого ученого, ставящего эксперимент) быть исключенным из школы. Но чего не сделаешь во имя познания истины. Наука знает много таких примеров самопожертвования.

Как это часто бывает с революционными технологиями, значение такого эксперимента оценивается позднее.

Однажды перед уроком русского языка небольшая группа учеников собралась возле одного паренька, которого звали Васильком. Он показывал им какую-то жидкость в бутылке. Через некоторое время он вылил содержимое бутылки на стул. Зазвеневший звонок заставил всех учеников занять свои места за партами, и они, затаив дыхание, устремили взгляды на учительский стул.

Зашла учительница Вера Евгеньевна и, после короткого приветствия, села за стол, задала вопрос и вызвала ученика отвечать к доске. Урок шел своим чередом, ученики что-то отвечали, получали оценки и садились на свое место. Необычная тишина, которая стояла в классе, не насторожила учительницу. Закончив опрос учеников, Вера Евгеньевна встала и начала объяснять новый материал.

Класс издал приглушенный вздох, который не насторожил учительницу, а наоборот вдохновил: никогда еще этот класс не слушал ее так внимательно и не вел себя так тихо. Более того, тематика материала его так заинтересовала, что все ученики, включая отпетых сорванцов, не спускал с нее глаз. Никогда она не испытывала такого вдохновения. Все-таки ей попались такие замечательные дети.

– К ним нужно только подобрать ключик, заинтересовать их, и все будет хорошо, – думала Вера Евгеньевна. – Нужно только больше времени тратить на подготовку к урокам. Можно и нужно пробудить у всех детей тягу к знаниям.

Она порхала по классу как птица, вырвавшаяся на свободу: легко и непринужденно, увлекая учеников поэтическим образом Татьяны из «Евгения Онегина», преисполненная необыкновенной любви к Пушкину, впервые подарившему ей счастье увлечь весь класс этим чудом в поэзии. Нет, что бы там не говорили, но перед гениальным Пушкиным никто не устоит. А класс такой обычно шумный, сидит тихо и глаз с нее не спускает. Она и подозревать не могла, что в природе существует такая сила как Пушкин, полностью подчинивший к себе внимание класса.

Причина, как, к сожалению и прискорбию, она позднее должна была уже с горечью признать, оказалась иная, хотя и не менее возвышенная. Ибо почти по форме сидения стула, на платье и белье учительницы зияла огромная дыра, открывая во всей красе ее ягодицы. Химический реактив (это выглядело не менее ошеломляющим открытием!) без всякого шума обнажил прекрасные ягодицы учительницы, приковав к ним все внимание класса.

Зазвенел звонок. Учительница оглядела влюбленными глазами класс. Спросила, есть ли у кого-нибудь вопросы. Вопросов не было, и она, простившись с классом, вышла потрясенная в коридор, переполненный, высыпавшими со всех классов на перемену, учениками, и пошла в учительскую, впервые за годы работы в школе удовлетворенная и счастливая.

В учительской она заметила направившуюся к ней группу женщин, успела перехватить похотливый взгляд учителя по географии, вяло приставшего к ней всегда со своими идиотскими ухаживаниями, и которого она про себя прозвала Хведькой за его деревенский нрав.

Женщины сообщили ей о некоторых изменениях в ее наряде. Ее охватил стыд, злость на класс за хамство, проявленное по отношению к ней. Ею овладело какое-то чувство безнадежности: вот так они ее отблагодарили за ее попытки привить настоящую любовь и понимание к поэзии Пушкина.

– Хамы, – думала она, – неисправимые хамы.

В течение нескольких дней она была переведена в другую школу, где первое время женский коллектив приставал к ней с одним и тем же вопросом: неужели она не чувствовала хоть какой-нибудь холодок в области ягодиц, прогуливаясь в классе во время подачи материала, а затем по коридору в школе.

– Нет, – стандартно и с тоской говорила Вера Евгеньевна, – ничего не чувствовала. Попробуйте сами и убедитесь.

Этот пример говорит о необыкновенной изобретательности учеников, вынужденных растрачивать свою энергию на пустые забавы, из-за неумения учителя увлечь их своим предметом.

С другой стороны этот пример показывает, до чего могут додуматься ученики, пытаясь экспериментальным путем докопаться собственными силами для пополнения знаний про ЭТО.

Другой наиболее частой забавой, применявшейся на разных уроках – это заталкивание жеванной или мокрой бумаги между цоколем лампы и контактом в патроне, в который затем вкручивалась лампа.

На перемене между уроками, во вторую смену в школе, ученики выключали свет, выкручивали лампочки, наполняли патрон мокрой бумагой и вкручивали лампочки на место. Свет включали в классе после звонка на урок, при приближении учителя. Учитель входил в присмиревший класс и начинался урок.

Наивысший эффект в описываемом опыте, демонстрировавшим наглядно учащимся и учителю плохую электропроводность бумаги, высохшей от прохождения тока через нее, достигался тогда, когда все это делалось одновременно во всех классах школы. Лампочки перед началом уроков горели, но, через несколько минут, бумага из-за проходящего через нее тока высыхала, и школа погружалась в темноту, а окрестность оглашалась ревом глоток огромного числа учеников.

Так некоторые законы физики начинали познаваться стихийно на других уроках, не связанных напрямую с изучением природы электричества

Уроки математики

В класс вошел сравнительно невысокого роста учитель и представился:

– Меня зовут Адольф Евсеевич.

Уроки по математике Адольф Евсеевич давал мастерски. Только ленивый и глупый не усваивал материал.

Мы узнали, что Адольф Евсеевич прошел всю войну с немцами и имел воинское звание майор.

Адольф Евсеевич внимательно осмотрел класс, сделал перекличку и сказал, что у него жим кисти составляет 40 килограмм. Много это или мало мы еще не знали, но решили, что раз он обращает наше внимание на такой факт, значит много.

Шутя, он сделал «масло» одному из пытавшихся нарушить дисциплину учеников, так тогда называли прием, когда, прикладывая к голове плотно пальцы, делают ими вращательное движение. Если пальцы и кисть руки сильные, то возникает весьма неприятное ощущение в голове.

Ученик, которому Адольф Евсеевич сделал «масло» сидел, то ли улыбаясь, то ли кривясь от «приятного ощущения». Многие из учеников, любившие выбросить какую-либо шутку во время урока, сразу же решили пока воздержаться и не делать опрометчивых поступков.

Адольф Евсеевич, чтобы закрепить знания учеников об ощущениях, вызываемых «маслом», сделал эту прививку еще нескольким ученикам, и дисциплина сразу наладилась.

Какой-то учащийся фабрично-заводского училища (наш класс находился на первом этаже и его окна выходили на прохожую часть улицы), заглянув в окно нашего класса, вдруг закричал истошным голосом:

– Адольф – жид! Га, га, га!

Адольф Евсеевич вдруг резко вскочил и выбежал из класса. Реакции и быстроте движений Адольфа Евсеевича могли позавидовать многие профессиональные бегуны. Через некоторое время он вернулся с шапкой учащегося училища в руке. В окне класса опять торчало лицо оскорбителя, который, уже хныча, просил Адольфа Евсеевича вернуть ему шапку.

Дисциплина в классе на уроках у Адольфа Евсеевича была отменная. Он был строг к ученикам, прекрасно объяснял новый материал. Я никогда не слышал, чтобы его за глаза называли жидом даже стойкие, несмотря на юный возраст, антисемиты, всосавшие и усвоившие на всю жизнь с молоком матери этот витамин.

А я всегда недоумевал, и до сих пор не понимаю, почему Адольф Евсеевич не сменил свое имя. Прошел с этим именем всю войну. Мне всегда казалось, что носить имя Гитлера, оскорбительно для любого человека: даже для кретина, дегенерата, садиста или преступника, а тем более для учителя-еврея.

Смерть Сталина

«Иоанн, мечтавший уже о роли тирана, считал ниже своего достоинства ограничиться той же честью, какою пользовались его товарищи. Ввиду этого он пользовался каждым случаем, чтобы всякий раз привлекать на свою сторону по нескольку человек из самых худших, и таким образом все больше и больше делал себя независимым от своей партии.

Так как он всегда отказывался повиноваться решениям других, а свои собственные объявлял повелительным тоном в форме приказов, то нельзя было больше сомневаться в том, что он стремится к единовластию. И все-таки ему подчинялись: одни из страха, другие из привязанности (ибо он мастерски умел путем коварства и обмана вербовать себе приверженцев), многие же потому, что они в интересах своей собственной безопасности желали, чтобы ответственность за предыдущие насилия падала не на многих, а на одного человека.

Кроме того, давала ему много поклонников его отважная решимость во всех делах. Тем не менее осталось еще значительное число его противников, руководимых отчасти завистью и считавших для себя гнетом повиновение человеку, которого они до сих пор считали себе равным; преимущественно же отталкивали их от него опасения сосредоточия власти в одних руках. Они заранее предвидели, что раз он получит власть в руки, то уже не так легко даст себя ниспровергнуть, и что тогда он воспользуется также противодействием, оказанными ими до сих пор, как поводом к жестокому обращению с ними самими. Наконец, каждый из них был готов скорее испытать самую отчаянную борьбу, чем датьсебя добровольно поработить.

Иоанн же в присоединившейся к нему партии господствовал **как царь.** Друг против друга они расставили повсюду караулы, хотя не пускали в ход оружие; если стычки происходили, то они были незначительны.

Тем беспощаднее была их борьба с народом, у которого каждая партия наперебой старалась захватить как можно больше добычи.

Таким образом, город терзался теперь тремя самыми ужасными бичами: войной, властью тиранов и партийной борьбой.

Война извне являлась уже для жителей легчайшим бедствием в сравнении с другими. А потому естественно было, что многие бежали от своих собственных соотечественников, бежали к чужим и у римлян искали спасения, которого они не могли ожидать от своих соплеменников.»

Иосиф Флавий, «Иудейская война»

Никто не возражает того, чтобы разрушить идолов. В тоже время никто не возражает, чтобы самому стать идолом. Однако спокойно пребывать на пьедестале могут только удостоенные особой милости богов – идиоты, преступники, герои.

Акутагава Рюноскэ, «В стране водяных»

И спросил Иоанн господа: «От чего власть в мире отдана язычникам и дуракам?» И испугался он, ибо было ему откровение.

И наконец, самые последние высказывания, которые верны для любой страны и, особенно, не только для России, но и для Израиля:

– Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум -

– В России не две беды, а одна: дураки, которым дали дорогу. -

Генерал Александр Лебедь

Как говорят в математике и физике, нетрудно видеть, что генерал Лебедь в компактной форме и почти математически обобщил весь опыт человеческий до него, дав определение не только любому промежутку времени и эпохи существования человечества, но он пошел дальше, определив движущую силу общества в любой момент времени существования человечества.

Да, я согласен с генералом Лебедем, но с одной поправкой: только дуракам дали дорогу во всем мире и только дуракам.

На мой взгляд, последнее – существенное уточнение определения Лебедя, и в такой формулировке это полностью выполняется **в любой стране.**

Он неистребим этот дурак, и пользуется очень успешно правами при любом режиме власти и общественной форме правления, как тоталитарной, так и демократической. И, если он энергичный этот самый дурак, то большинство избирателей – единомышленников обязательно выберет дурака при демократической форме правления в любой стране.

Я не останавливаюсь на тоталитарной форме правления. При ней дураки избавлены от выборов и, минуя эту идиотскую и ненужную процедуру, сами назначают себя править народом. И везде он дурак впереди. Пора писать эпос дурака, в котором попытаться описать его плавучесть и непотопляемость во все времена. Я предлагаю русским фашистам заменить призыв:

«Слава России» на призыв «Слава дураку!»

Такой призыв привлек бы в их ряды гораздо больше желающих стать членами этой элитарной организации. Тем, кому это близко и он не стесняется, а гордиться членством в патриотической организации, то есть наиболее продвинутым и умным из дураков, прошу в момент выкрика бодрящего лозунга, исторгаемого из глубины души, вскинуть руку вверх!

Не стесняйтесь принадлежать к могущественному клану дураков. Вас подавляющее большинство в любой стране. Вы командуете всем. Жизнь и карьера умных индивидуумов полностью зависит от вас. Это не значит, что, если вы дурак, то все вам обеспечено автоматически: карьера, власть, деньги и тому подобное. Но, если вы дурак и энергичны, я лично гарантирую вам успех.

Последняя мысль будет верна для любой страны.

Для чего я все это переписал из первоисточников в качестве эпиграфа в этом разделе, любезный мой читатель? Во-первых, я не верю, что ты обратишься к первоисточникам. А во-вторых, чтобы показать тебе, что ничего в мире не меняется. Произведение Иосифа Флавия отстоит почти на 2000 лет от Акутагавы и Александра Лебедя, а что изменилось? Ничего.

Дело в том, что существует расхожая пословица, смысл которой заключается в том, что дурак учится на своих ошибках, а умный на ошибках дурака. Все это глупость. Дурак не в состоянии учиться вообще, а умный не способен учиться на ошибках дурака, ибо ошибки эти делает дурак и ему неинтересно изучать мотивы поведения дурака и причины его ошибок. Ведь согласно великому военному философу Лебедю:

– Глупость это не отсутствие ума. Это такой ум.

Между умным и глупым существует тонкая грань, которую часто очень легко преодолеть. Более того, умный не способен учиться и на своих собственных ошибках. Вспомни известного партийца от любителей фруктов Явлинского, организовавшего весьма перспективную и интеллектуальную партию имени главного фрукта – яблока, и просившего народ, чтобы ему дали 500 дней, и он выведет Россию из тупика. А того не понимал, можно ли ее вообще куда-то вывести за любое число дней?

Каждой стране даден ген и отведена роль на Земле. И выйти из этой роли никому не дано, тем более очень большим странам. Гены есть для всего: страны, народа, человека и т. д. Изменить гены народа и страны никому не дано.

Вспомни, дорогой мой читатель, ошибки, которые ты делал в прошлом. Не одни и те же ли они? Посмотри по внимательней. А теперь ответь мне на вопрос: к кому ты себя относишь. К умному? Прекрасно! Я очень рад твоему выводу и надеюсь, что эту книгу ты дочитаешь до конца.

И вдруг все перестали дышать. По радио объявили о болезни Сталина. Мы, в силу раннего школьного возраста еще не обладали зачатками серьезного мышления. Мы с нетерпением ожидали новых сводок о здоровье нашего любимейшего человека. Напрягая все свое скудоумие того времени, мы, повторяя рассуждения взрослых, говорили друг другу:

– Нет невозможно, чтобы Сталин умер. Бог этого не допустит. И потом все грузины живут почти до ста лет, а Сталину нет и 75.

Но своеобразие мышления того времени заключалось в том, что большинство евреев зрелого возраста рассуждали также, как и дети. Женщины плакали и все говорили, что дело врачей еще не закончено. Воздух насыщен антисемитизмом и погромными настроениями русского народа. Теперь точно евреям конец. Сталин умер и некому будет защитить евреев. Как видно из приведенных рассуждений евреи по глупости в те времена не уступали, а, возможно, и превосходили другие народы.

Был выставлен портрет Сталина у памятника Ленину и народ возмущался, что в центре города нет памятника Сталину и довольствоваться приходится портретом. Мимо портрета стал собираться народ и проходить, как у мавзолея Ленина, возлагая венки. В актовых залах школ тоже установили портреты Сталина и поставили у каждого портрета двух пионеров мужской и женской особей, застывших как истуканы у икон с изображением Сталина, с выражением на лицах скорби и решительности одновременно.

А евреи ждали, что будет дальше? Уже было объявлено о мумификации вождя, установке его кровати рядом с кроватью Ленина и о проживании его в одной квартире с Лениным.

А евреи ждали, что будет дальше? И скорбели, и плакали, и потели, и ждали, что будет дальше? Наконец неожиданно для евреев, и ко всеобщему разочарованию коренного населения, было объявлено о закрытии дела врачей, их амнистии и освобождении из-под стражи тех из арестованных врачей, кто остался жив и не погиб во время дружественных бесед со следователями из КГБ.

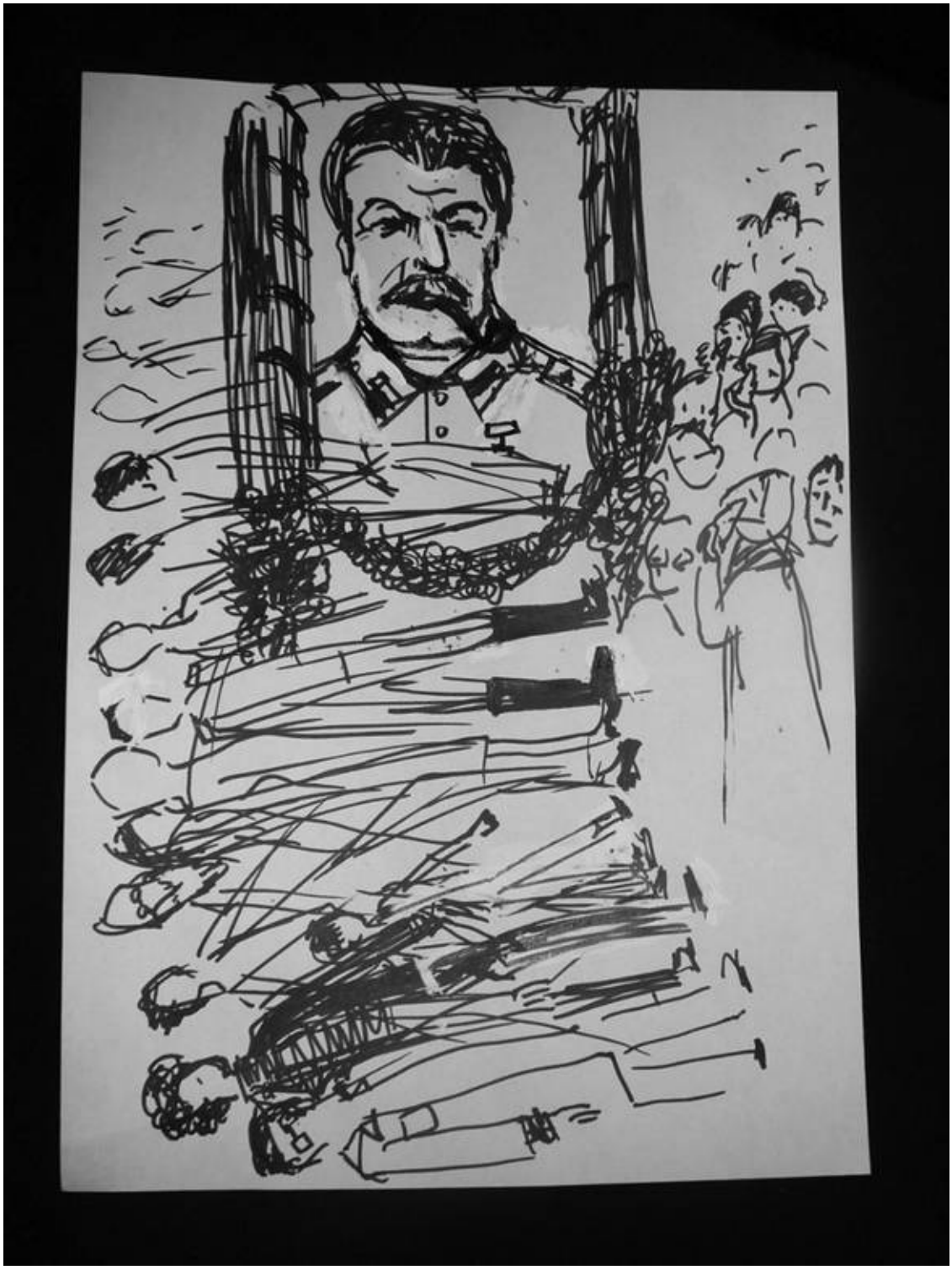
Евреи недоумевали и не знали, что делать дальше. Очень уж непонятно все было. Поэтому некоторое время весь народ, включая евреев, ждал, что будет дальше? И евреи держали мозги (на всякий случай по-прежнему) в замороженном состоянии. Так было более привычно и безопаснее.

Я это пишу доходчиво для того, чтобы всем было понятно, что с помощью кнута можно достигнуть гораздо больших успехов в формировании умонастроений и манипулировании умами широких народных масс, чем с помощью разных нравоучений. Необходимо только, чтобы воспитание было правильным, а кнут с необходимой силой и частотой опускался на головы воспитуемых. И, если кнутом равномерно и с необходимой частотой бить по голове, переучиваться в будущем не потребуется, а приобретенные знания будут очень прочными.

В Советском Союзе народные массы постоянно переучивались время от времени. При таком учении элементарные мозгочастицы теряют ориентацию, и возникает броуновское, то есть хаотическое движение в голове, и как следствие этого броуновского движения такой же хаос возникает и в мыслях.

Процесс повторного упорядочивания мозгочастиц не всегда может иметь место и иногда носит необратимый характер.

Ранее мы познакомили тебя читатель с понятием процесса брожения, являющегося, не побоюсь этого определения, основой основ всего сущего в мире, не говоря уже, о планете Земля. Скромно о себе заявлю, что я тоже имею некоторое отношение к этому открытию. И тогда станет научно понятна и объяснима эпоха Сталина и поведение в ней народных масс.



Отдельные зарисовки о послевоенных годах жизни (непоследовательно и фрагментарно). Некоторые мысли в детские годы и во взрослом возрасте.

Трудности реализации у народа тяги к культуре

Мои первые годы учебы в школе проходили в послевоенные годы. Время текло медленно. События каждого дня я мог вспомнить до последних деталей. Тогда мне казалось, что каждый день был наполнен событиями.

Сейчас время бежит с такой скоростью, что события нескольких месяцев сжимаются в один день.

А во времена детства каждый фильм был событием. О том, что такой-то фильм скоро выйдет на экраны, сообщалось в рекламе за месяцы до срока начала его демонстрации.

С началом проката нового фильма выстраивалась очередь за билетами. Первые места в очереди занимали спекулянты с блатными. Число их непрерывно росло, и новые, прибывающие из их числа, начинали нагло расталкивать очередь, становясь впереди обычных жителей. Образовывалась толпа. Как только открывались билетные кассы толпа дружно, сломав всякий порядок в очереди, начинала штурм касс.

Если впереди оказывались простые горожане, то с них попросту срывали шапки и бросали их в хвост очереди. Лишившись шапки, человек покидал место вблизи кассы и отправлялся на розыски шапки. Если, стоявший вблизи кассы был грамотным человеком, то есть он стоял без шапки, отдав ее предварительно своему другу, то его просто выталкивали из очереди.

Возникала потасовка и драка, и тогда появлялась милиция. Милиция, расшвыряв толпу, выстраивала очередь заново. В этом случае всегда оказывалось так, что после наведения порядка, в очереди у касс первыми были всегда опять блатные и спекулянты.

Счастливые обладатели билетов, которым они, несмотря на все приключения, все же достались, шли в кино. Я не думаю, что после всего пережитого, эти счастливчики понимали, глядя даже примитивные фильмы тех лет, о чем идет в них речь. Но зато у них на короткое время появлялось чувство счастливого кинозрителя, намного опередившего в просмотре фильма основную массу потенциальных, но еще не посмотревших фильм, кинозрителей.

Самое главное, что после демонстрации фильма в течение недели-двух, число желающих его смотреть резко падало. При обладании нормальным мышлением, вы, подойдя через две-три недели после начала демонстрации нового фильма к кассе, и купив самые дешевые билеты на фильм, заходили в наполовину заполненное фойе кинотеатра за час до начала фильма. Далее вы спокойно слушали игру музыкантов в фойе, которые были в те времена обязательным атрибутом до начала демонстрации фильма в кинотеатре. Затем по звонку вы спокойно, без лишнего шума, заходили в полупустой зал и выбирали себе самое удобное место для просмотра фильма.

Новые фильмы шли по месяцу. Но с началом демонстрации нового фильма все повторялось сначала. Я вырос, но так и не понял психологию толпы, стремящейся любой ценой посмотреть фильм в первые же дни его показа, переплачивая спекулянтам за билеты, либо ценой почти собственной жизни добывать эти билеты в драках и давках потной толпы. Такова была наша единственная возможность на периферии приобщиться к культуре во времена полного отсутствия телевидения.

Часто во время демонстрации лента рвалась. Моментально раздавался свист и топот ног зрителей с выкриками:

– Сапожники!

Если во время демонстрации фильма главный герой целовал возлюбленную (это были самые сексуальные моменты в советских фильмах послевоенного времени), то тут же раздавался дружный крик зрителей:

– Оставь мне!

Само присутствие в фильме сцены с поцелуем автоматически означало запрет на допуск для просмотра фильма детям до 16 лет. Зрители при виде в фильме намек на интим реагировала одинаково, как и положено толпе, состоящей из дикарей или неотесанных хамов.

Я понимаю, что в настоящее время, когда сексом, не скрывая, занимаются дети, едва достигшие 12 лет, старые запреты могут вызвать у детей одну улыбку. Но мы жили в очень нравственное время, когда убить человека было обычным делом, а нагое, да еще и красивое женское тело, большинство мужчин, прожив жизнь, не видело никогда.

Культура после войны опять носила зачаточный характер, хотя по описаниям в прессе, она уже достигла расцвета.

Помимо кино, к оазисам культуры провинциального города областного масштаба можно смело отнести несколько захудалых музеев (краеведческий и художественный), переездные зверинец и цирк, да халуп – музей К.Е. Ворошилова, убогий и примитивный, как и бывший его обитатель, любимец пролетариата и одновременно почти вождь и менее удачный, а вернее бездарный полководец К.Е. Ворошилов.

Два театра, существовавшие на государственные дотации, по репертуару и качеству игры не уступали художественной самодеятельности различных заводских коллективов, и их тусклое существование отражало культурный уровень развития общества в условиях еще полного отсутствия телевидения. Если в театрах случалось портретное сходство актера с изображаемой им известной в те времена партийной личностью, или еще больше с вождем, то это считалось большим достижением. Тогда сидящая в зале публика, ловила каждое слово кукольного вождя, восхищаясь глубиной **произносимых им** на спектакле примитивных фраз.

Отношение к умершим по национальному признаку

Город, в котором я жил располагал большим числом кладбищ. Не успевали открыть новое кладбище, как оно, заполнив могилами отпущенную ему территорию, закрывалось и, через сравнительно небольшой промежуток времени сносилось. Поэтому во время рытья траншей при прокладке по улицам города газа или водопровода, постоянно натыкались на **захоронения.** К видению смерти и к тому, во что смерть превращает людей через некоторое время после их захоронения, горожане привыкали с самого детства.

В младших классах мимо нашей школы часто шли похоронные процессии в сопровождении духового оркестра. Тогда кто-нибудь из блатных (в те времена на весь класс всегда приходилось несколько блатных учащихся или близких им по духу) поднимался из-за парты и смотрел через окно на процессию. Иногда он сообщал на весь класс:

– Еврея хоронят! Туда ему и дорога!

Озвучив знакомое всем в то время пожелание, он с довольной улыбкой садился на свое место. Большинство учащихся класса, несмотря на то, что в классе из сорока и более учеников только порядка трех-четырех учащихся были евреи, улыбались всегда, кто открыто, а кто как бы смущенно.

Многие из наших учителей были евреи, но они делали вид, что ничего не слышат, и продолжали, как ни в чем не бывало, проводить урок.

К моему удивлению, многие из тех евреев, что учились со мной, вспоминая школьные годы, тоже забыли эти выкрики. И я подивился силе духа евреев и понял, что только так, сквозь многие века, можно было выжить евреям, пройдя все унижения и оскорбления, и при этом мгновенно забывать все оскорбления, и играться на перемене с кричавшим во время урока хамом – туда ему и дорога, – как ни в чем не бывало. Во время игры евреи старались угодить хаму и искренне его любили. Я же не мог смотреть в сторону этих молодых хамов, мне казалось, что я готов был бы их убить. Я ненавидел тех евреев, кто разговаривал и дружески улыбался в разговоре с антисемитами. В связи с этим я должен заметить, что во мне было много ненормальных черт, которые я сохранил, сам не знаю почему.

Еще неосознанное, но глубокое понятие национальности в младших классах

Я вспоминаю, как в пятом классе, сидевший впереди меня ученик, вдруг начал оборачиваться ко мне и говорить с ехидной улыбкой:

– Жид!

После третьего или четвертого раза я встал и ждал, когда он повернется ко мне. Я не обращал никакого внимания на замечания учителя сесть на место. Мой обидчик не заставил меня долго ждать и повернулся. На этот раз он не успел ничего произнести, он получил со всей силы удар в нос. К моему удивлению он не ответил мне, а повернулся и стал плакать.

Учительница русского языка подозвала нас обоих, после окончания урока, и стала выяснять, почему я так поступил. Я попросил ее узнать причину у Василя (так звали моего обидчика). Василь молчал и плакал. Тогда рассказал обо всем я.

– Правильно сделал, сказала учительница и, повернувшись к нам, вышла из класса. Учительница была русской, но я не уверен, что точно также поступила бы другая учительница, если бы она была еврейкой.

Все учителя евреи переделали свои отчества, а кто и имена, на русский лад. Почти все взяли себе псевдонимы. Из нас выковали народ, который веками терпел унижения. Это было продиктовано чувством выживания. Я нисколько не сомневаюсь, что, если бы Адольфу Гитлеру в его цветущем возрасте несколько раз хорошо начистили бы морду и у него не было бы защиты со стороны более сильных людей, отомстивших за его унижения, он мог бы вырасти интернационалистом. Но, к сожалению этого не произошло.

У меня в жизни было несколько аналогичных моментов. Я хорошо решал задачи в школе, в моей помощи нуждались антисемиты и не антисемиты. Но антисемиты, как правило, учатся и соображают плохо. Они часто нуждались в моей помощи при решении задач. Поэтому они меня особенно не задевали. Да и со временем я перестал остро реагировать на человекообразных недоумков. Им несть числа. И я решил не тратить энергию на их переубеждения и доказательства своей честности, к тому же во многих случаях у меня у самого недостаточно было этой самой энергии, а не то, чтобы еще проводить учебу. Ведь кроме кулака в качестве аргумента, антисемиты не способны ничего понять.

И все же антисемитизм составлял важный элемент и в воспитании евреев. Многие из евреев мечтали стать русскими. Я помню, как в узком кругу мои родители и их приятели евреи, сидя за обеденным столом, говорили шепотом, чтобы не услышали стены, что по слухам, собираются выдать паспорта, в которых всех желающих евреев будут записывать русскими. Процесс с врачами похоронил эти надежды. Но желание это продолжало жить.

Гораздо позднее, когда я уже был сформировавшимся взрослым человеком, я услышал, как мой почти родственник, считавший себя похожим на русского человека, обращаясь к своему внуку, являвшимся продуктом смешанного брака его дочери еврейки и русского зятя, говорил громким голосом, чтобы его слышали все, кто находился на пляже:

– Костя, ты русский человек, а боишься отходить далеко от берега. Нет, ты не должен бояться, ведь ты русский человек.

Таким способом он, хотя и на короткое время, удовлетворял свое жгучее и тайное желание, быть русским.

Разочарование в теории Дарвина. Макашовы

Со временем мне стало жаль тратить даже словесную энергию на переубеждение антисемитов, так как я перестал верить в эволюцию человекообразных и теорию Дарвина. Я до сих пор считаю, что единственно, в чем человекообразные преуспели, это научились носить одежду и убивать.

Вот и сейчас мне показалось, что Макашов в военном мундире прошел мимо меня. Я даже вздрогнул. Говорящий Макашов. Я вспомнил «Нос» Гоголя, который выдавал себя за чиновника. Всего лишь один нос и ему верили, что он человек. Насколько проще это примату Макашову, который жидится и этим еще и внешне очень похож на человекообразное! Рассказывали, что Макашов даже умел читать вслух, и это позволило ему стать генералом и депутатом в Думе от народа. Радея за обороноспособность страны, Макашов предлагал всем лицам, включая президента страны, проходить военную переподготовку: как на Украине говорили: – усим.

В узком кругу, гордясь, что он освоил чтение вслух, Макашов хвастался, что научит этому и президента, включая строевую подготовку. Макашова вяло слушали депутаты, не возражая и не одобряя его словесный понос. Его предложения не были оформлены в виде законов и заглохли. А жаль!

Картины детства

Возвращаясь к послевоенному времени, я почему-то вспоминаю прививки от кори, скарлатины и каких-то других заболеваний. И, как правило, после этих болезненных прививок я заболевал именно теми болезнями, от которых делались прививки. Врачи говорили одно и то же, заявляя, что, если бы мне не сделали прививки, то я все равно заболел бы этими болезнями и они протекали бы у меня тяжело. Кто не верит, пусть попробует проверить.

По ночам, а иногда даже и днем, в послевоенном городе происходили ограбления. Однажды к дому, соседнему с нашим, приехали ночью на машине грабители. Окружив дом, они начали ломиться во входную, довольно массивную дверь. Все это сопровождалось угрозами убить всех жильцов, если они дверь добровольно не откроют.

У соседа оказалась спортивная винтовка, из которой до пяти утра они отстреливались. Наличие винтовки несколько осложнило задачу бандитов и слегка притушило их решительность. Многократные попытки жильцов из соседних домов вызвать милицию ни к чему не привели. Милиция приехала через два часа после отъезда грабителей.

Точно также вела себя милиция и в других случаях ограбления. Ни разу не было случаев оказания милицией своевременной помощи людям, подвергающимся насилию.

В темных переулках бандиты ночью спокойно грабили и раздевали случайных прохожих, неизвестно из какого любопытства или наглости посмевших туда пожаловать. Не редки были грабежи днем. У всего народа на глазах днем раздевали и грабили облюбованных случайных людей. Мимо, несмотря на мольбы терпящих бедствие людей, трусливо семенили или пробегали прохожие. Милицию в таких случаях днем с огнем было не найти.

Я помню детей, нагло приставáвших к прохожим с просьбой дать денег или закурить.

С такими детьми взрослые боялись связываться, так как знали, что за детьми могут наблюдать бандиты, и они, под поводом защиты детей, начнут грабить взрослых. В городе ходили слухи, что в пирожках с мясом иногда обнаруживают отдельные фрагменты частей человеческого тела (пальцы детские, ногти и т. п.).

Постоянные амнистии уголовников, приуроченные к праздникам, приводили к тому, что не успевшие отсидеть даже минимальный срок, бандиты выходили на свободу. Это обстоятельство усиливало чувство безнаказанности у людей, совершавших уголовные преступления.

Положение в городе достигло кульминации, когда на центральной улице города смертельно ранили начальника милиции. Он лежал на асфальте и молил о помощи прохожих. Но тщетно.

Этот случай кого-то из более высоких начальников вывел из себя. В результате милиция начала действовать и арестовала какую-то банду. Но самое главное весь состав милиции был заменен новым, и эти меры в какой-то степени снизили **криминогенную** обстановку в городе.

Быт и американские подарки

Быт обычного советского человека был ужасен. У моего отца были два комплекта одежды: одна рабочая, в которой он ходил на завод, другая точно такая же как и рабочая одежда – парадная, состоящая из таких же, но только чистых: телогрейки, рабочих брюк и спецовки, которые предназначались для ношения в свободное от работы время и во время праздников. В парадной одежде отец ходил дома и в гости.

Одним из чудес тех лет была раздача простому советскому народу американских подарков, которые после **предварительных** многократных переборок этих самых подарков начальством, депутатами, партийными и советскими органами, КГБ и прочими слугами народа, превращались в хлам, после чего попадали в руки простых трудящихся и интеллигенции в СССР.

Сгущенка засахаривалась, распарованные в результате многократных переборок женами начальства и прочих слуг народа, чулки были настолько разные, что их невозможно было носить. Найти недостающий чулок в перемешанном товаре, было практически невозможно. Народ рылся в этом хламе, пытаясь хоть что-то себе выбрать, и ругал американские подарки к радости партийных органов и КГБ, умело вносивших идеологию даже в хорошие вещи. При этом партия и КГБ старались извлечь двойную выгоду из подарков: вызвать злобу у советского народа к американскому народу, а с другой стороны хоть как-то одеть советский народ за счет этого же американского народа. Американские подарки позволяли власть придержащим достичь сразу нескольких целей: снабдить настоящих хозяев жизни, то есть их же самих бесплатными качественными товарами, а с другой стороны вызвать недовольство у широких кругов народа американским империализмом, окарикатуривая помощь Запада СССР, слив в сточную яму пропаганды ложь, фабрикуемую в КГБ и партийных кругах.

Такого же качества были продуты, присланные американцами советскому народу. Засахаренная сгущенка, все сроки годности к употреблению которой вышли, пока она дошла до простого народа; окаменевшие и ставшие безвкусными сладости, которые, когда они были еще свежими, съела партийная и административная часть слуг народа.

А те продукты, которые слуги народа не успели съесть к моменту выхода их из срока годности к употреблению, были отданы народу, который все это доел. Поэтому ругал народ за товары и продукты американцев, под веселые улыбки лоснящихся и сытых партийных и административных работников, презентовавших свои объедки из подарков народу.

Из наиболее характерного в те времена явления, отмечу рост числа людей больных раком. Рак, как никогда прежде, косил народ и, как следствие этого, **пущенные** органами КГБ новые слухи, что американцы своими продуктами специально заразили советский народ раком. К этим слухам народ проявлял крайнюю восприимчивость. Они помогали и властям воспитывать ненависть к Западу, а, особенно к американцам.

В населении ощущалась боязнь возникновения новой войны. Американцев народ боялся и ненавидел одновременно. Советский народ, вынесший на своих плечах лобовой удар немецкой военной машины и, не поддающиеся описанию, лишения, был еще не готов, хоть и не признавался себе в этом, повторно платить жизнями на войне за трусость и глупость своих вождей, прятавших за усами свою глупость, неуемную кровожадность и бандитизм.

Денежная реформа и повышение жизненного уровня

После войны была проведена денежная реформа, а еще через некоторое время начались снижения цен раз в году на продукты питания и другие товары. Жизнь, которая была просто голодной, **началась** немного налаживаться. Снижение цен было с каждым годом все менее и менее значимым, пока не заглохло окончательно. Но не смотря ни на что, народ продолжал изнывать от умопомрачительной любви к Сталину.

Постоянная и несокрушимая надежда у народа, что еще немного и наступит лучшая жизнь. Это чувство усиливалось в летние теплые дни, когда листва деревьев, трав и цветов хоть как-то прикрывали убогость и серость окружающих домов, скрашивая голод. И при всем при этом неиссякаемая любовь к Сталину и **уверенность,** что он непрерывно занят вопросам улучшения качества жизни народа.

Я ходил в школу в залатанных брюках. Вспоминая своих одноклассников, я как бы снова вижу эту нищету во всем. Как одно из приятнейших событий в моей жизни каждый год – это получение в школе новых учебников перед началом нового года. Это было настоящим праздником. Моя мать, приучившая меня к чтению, с трудом выкраивала деньги на покупку книжек. Каждая такая покупка была для меня настоящим праздником, и перед сном новую книжку я клал на ночь в постель рядом с собой. Я засыпал рядом с новенькой книжкой в радостном и приподнятом настроении, весь переполненный счастьем.

Евреи в младшем и среднем школьном возрасте

Я всегда замечал, как ребята-евреи, окружавшие меня, старались всеми силами приспособиться к русским мальчикам, понравится им и добиться того, чтобы они считали их ровней себе и принимали за своих. Иногда некоторым ребятам казалось, что их принимают за русских. Они тратили на это много **сил, и цель** вроде бы была почти достигнута. Но это было хрупкое равновесие. И в спорных ситуациях, им указывали на их настоящее место.

А некоторые евреи так старались добиться статуса равного русскому человеку, как они это понимали, что вызывали у меня большее отвращение, чем ребята-антисемиты. Подсознательно евреи чувствовали себя людьми второго сорта, хотя и не понимали, почему это так. Многие мальчики из евреев меняли свои неблагозвучные еврейские имена на русские имена. Эти еврейские имена большинство из ребят получило перед войной, и после войны эти имена звучали хуже даже немецких. Немцев не любили, да и было за что. Единственно, за что антисемиты с удовольствием прощали немцев и любили их – это уничтожение евреев.

Немного о Сталине, евреях, барахолках, орденах и медалях

Ребята любили кино, любили фильмы о войне, в которых русский воин, именно русский, убивал трусливых и карикатурных немцев и никто не задавал себе вопрос, почему немцы в считанные месяцы дошли до Москвы, гоня перед собой как стадо более доблестную армию. В младших и средних классах мы еще не умели критически, не говоря уже о логике, мыслить.

Сталин был параноиком, сохранявшим трудоспособность. Осознавая свою серость, он более, чем кто-нибудь другой нуждался в подпитке свей уверенности. Будучи бездарным и коварным, и как все бездарные и коварные, дорвавшиеся до власти, он создал общество, где основной массой были манкурты, готовые в любой момент, если понадобиться Сталину, отдать за него или ему свою жизнь.

Ведь только так Сталин мог управлять и этим обществом и этой огромнейшей страной, носящей имя СССР. Он учился у Троцкого, завидуя его таланту и идеям, многие из которых он перенял и воплотил в жизнь. Сталин учился у Гитлера антисемитизму, считая, что и ему неплохо было бы иметь страну Гитлера.

Будучи уголовником по призванию и бандитом по профессии, Сталин никогда не забывал своих подельников по профессии и по духу, объявляя одну за другой амнистии своим товарищам по ремеслу.

Каждый раз, вглядываясь своим соколиным взором в толпу амнистируемых бандитов и воров, выпущенных по амнистии на свободу, Сталин искал, так мне кажется, искал потенциальных соратников. И каждый раз приходил к выводу, что кадры измельчали и нет достойных, которые бы помогли ему в его ремесле.

– Обмельчал народ, – думал Сталин, – обмельчал. Только и норовят опять украсть, ограбить или убить. Совершенно отсутствует настоящее честолюбие, не говоря уже об идеологических принципах. Надо будет как можно скорее провести следующую амнистию. Может там хоть что-нибудь найдется.

Но политических заключенных Сталин не амнистировал никогда, испытывая к ним классовую ненависть. Он, как и Гитлер, считал этот материал отработанным и ни на что не годящимся, ни на что. Не верил он, что среди политических заключенных есть достойные ему убийцы и преступники. По этим причинам Сталин каждый раз обрушивал на головы народа новые толпы преступников, вливая, как ему казалось, свежую кровь в артерии общественной жизни подневольной ему страны.

Сталин понял, что в построении страны по полному образцу Гитлера ему мешать будут евреи. Они эти евреи не мало дали ему для победы над Гитлером. Но евреи не дали еще всего, что они могли бы дать. Они не отдали свои жизни, все свои жизни. А такая акция как уничтожение евреев не только бы понравилась советскому народу, она бы помогла Сталину как ничто другое объединить этот самый народ, превратив его окончательно в безмозглых и послушных его воле манкуртов. Он бы, Сталин, превзошел бы тогда даже самого Гитлера в своих собственных глазах. Бросив эти орды манкуртов против Запада, он стал бы настоящим властелином мира. За это стоило бороться. А там, как знать, и сам бог может быть, оценив его волю, даровал бы ему подлинное бессмертие.

Сталин начал строить страну Гитлера с реализации первого этапа Гитлера, изгнания евреев из центральных районов СССР, с последующим их уничтожением на бескрайних просторах Дальнего Востока. Но возраст не позволил Сталину осуществить даже первый этап. Он неожиданно для всех, включая нас мальчишек, верящих, что грузины долгожители и живут до ста и более лет (но это справедливо для горных районов, где смешавшись с природой и бара-

нами, люди становятся **незаметными** для смерти, а не на равнинах, отягощенных борьбой за власть и подозрениями в заговорах), тяжело заболел.

И раскрыв заговоры врачей и других космополитов, скрывавшимися за русскими псевдонимами, Сталин неожиданно умер в самый разгар поднятой им бурей антисемитизма над СССР.

В те великие времена основная масса народов СССР, но больше всех евреи, считали, что, если бы не Сталин, им бы давно пришел конец. Гениальный злодей скажете вы читатель. Развязал антисемитскую истерию, и при этом сумел в умах еврейского народа, прослыть их защитником. А кто тебе сказал читатель, что народ умен? Любой народ существует только для того, чтобы им манипулировали. И ни один народ не является исключением из этого правила.

И я скорбел и ждал что будет, какие несчастья обрушаться на головы евреев? Умер тот, кого люди любили слепой любовью идиотов с кастрированными мозгами. Но это было так. В своей массе советский народ был низведен до разноцветного холопья людей разных национальностей. Даже тот, кто думал иначе о Сталине в те времена, вел жизнь премудрого пескаря Салтыкова-Щедрина, или сидел и работал на благо Родины в местах с суровыми условиями содержания.

Но были в те суровые времена и некоторые развлечения и зрелища, и все то, что зовется разнообразием в жизни.

Барахолка

Наиболее увлекательным зрелищем была в городе барахолка, получившая название «толкучка». Когда я первый раз попал на толкучку, я понял, что продавать можно все, включая бывшие в употреблении, маленькие ржавые и кривые гвоздики. Весь невообразимый мусор нищеты на толкучке превращался в товар, который следовало не выбрасывать, а продавать.

Вся эта выставка нищеты народа, строившего с каждым днем и неуклонно приближавшегося к коммунизму, выдуманного вождями мирового пролетариата и убогих кругов интеллигенции, сопровождалась, как и положено балагану, слепыми поводырями с попугаями. Попугаи вытаскивали за один рубль из кружки с бумажками, свернутыми трубочками, одну из трубочек, в которой были написаны некоторые предсказания в вашей судьбе.

Когда государство отменило плату бывшим воинам за награды, полученными в боях, медали и ордена начали продаваться бывшими участниками боев, и в качестве новой разновидности товара появились на **толкучке.** Огромное число нищих, просивших милостыню, торгующих орденами и медалями, полученными за подвиги в боях с фашистами, обнажали с этой целью свои увечья, полученные на воине, стояли на улицах. Остатки рук и ног, **демонстрировавшихся** прохожим бывшими бойцами, до сих пор стоят у меня перед глазами. Государству эти нищие и калеки были не нужны. Оно их уже использовало для достижения своих целей. Теперь они превратились в никому ненужный балласт.

Довольно часто на рынках или по дороге на толкучку появлялась Маруся-дурочка, которая по просьбе мальчишек задирала юбку, под которой было грязное нагое тело. Ржание мальчишек и некоторых взрослых, лицезревших это отвратительное зрелище, какие-то двусмысленные выражения лиц и глаз, и даже похоть некоторых из зрителей, вызывали отвращение. Сплошные картины уродств и оскалившиеся в порочной ухмылке лица толпы. И я даже не решаюсь высказать свое отношение ко всему этому. Тот, кто пытался остановить это зрелище, не пользовался поддержкой, пассивно относящейся ко всему происходящему, толпы. Ад.

Картина барахолки зимой дополнялась унылой картиной природы. Еще вчера чистый снег покрывался за ночь черным налетом сажи, выпускаемой из труб промышленных предприятий. Плюсовая температура на улице превращала грязный снег в слякоть.

Голые ветви деревьев, мокрый снег, превращающийся на глазах в слякоть и грязь, островки выступающей земли с шапкой черного снега и окруженные болотами, пронизывающий насквозь почти мокрый ветер, и я бредущий наперекор ветру в поисках хоть какого-то разнообразия в жизни в насквозь промокших ботинках в направлении барахолки.

Приобщение к культуре после просмотра фильма

Запомнились случаи, иногда происходившие в некоторых клубах после демонстрации кинофильма. После окончания фильма зажигался свет и иногда зрители, трусившие к разным выходам, останавливались молодчиками и направлялись только к одному выходу. У этого выхода стоял блатной Артур и раздавал каждому, что ему приходило в голову: подзатыльник, удар ногой в заднее место или удар по лицу. И так каждого. Никто из людей, покидавших зрительный зал, не сопротивлялся. Стоявшие вместе с лупившим кинозрителей Артуром двое молодчиков, иногда лениво дававшие Артуру какие-то советы. Вот и все комментарии к фильму.

Никто из зрителей не возмущался. Все, покидающие кинозал зрители, получив пинок ногой под зад, покорно трусили к выходу на улицу подхватив под ручку жену или девушку которым часто тоже попадало на орехи. Когда подошел к выходу я, смирившийся и подготовившийся к экзекуции, Артур презрительно и лениво замахнулся, но в последний момент передумал марать руки о сопляка.

Домашний быт

Нищая обстановка моего дома. Запомнились три события: покупка у маминого брата старых без зеркал шифоньера и буфета; покупка никелированной кровати с боковыми стенками в виде лиры и сеткой-пружиной для матраца; небольшого холодильника «Саратов».

Это были незабываемые события в течение первых семнадцати лет жизни в городе после возвращения из эвакуации.

Я, лежащий на кровати во время **болезни, и сотрудники** института, пришедшие проведать меня после начала работы в НИИ. Нищета, отражаемая голыми стенами и даже окнами. Это все, что заработали родители и немного уже я, за почти всю свою жизнь. Я инженер со сто рублевым окладом и жалкими перспективами роста зарплаты в течение первых пяти лет работы максимум до 140–150 рублей.

Я подхожу к окну. На меня смотрят жалкие халупы, прилепившиеся к земле вдоль дороги. В период дождей дорога быстро размокала. Выйти в город, то есть дойти до асфальта, можно было только, набрав полные **калоши** и ботинки воды и грязи, и заляпавшись этой же жидкой грязью по уши. И это при том, что наш дом был расположен всего в нескольких десятков метров от центральной улицы областного города. **Это** улицы, носившие имя великого русского поэта и осчастливившего весь мировой пролетариат и все прогрессивное человечество, включая жителей нашей улицы, дорогого всем людям на земле, поэта Пушкина и вождя Ленина.

На нашей улице проживания, носившей имя вождя, но уже немецкого пролетариата, Тельмана, образовывались в течение осени, зимы и весны огромные, не высыхающие лужи, из которых все лето неслись трели лягушек.

Ребята часто бродили по лужам с камнями в руках, и с непонятной ненавистью метали камни в Макаров, как они называли лягушек. Внутри всех домов водопровод и туалеты отсутствовали.

В детстве я читал о приключениях Робинзона Крузо. Радовался каждой приобретенной им вещи и животного на необитаемом острове. Со временем обстановка дома Робинзона и сам дом, особенно после пополнения его имущества предметами с кораблей, потерпевших крушение, стали по сравнению с нашим жильем, просто дворцом. А одежде самого Робинзона мог бы позавидовать любой среднестатистический советский человек **того** времени.

Лучшими месяцами года для нас были май и июнь. Высыхала окончательно грунтовая дорога, расцветала сирень всех цветов: белая, персидская, сиреневая обыкновенная (так мы ее называли). Запахи цветущих сирени и акаций, цветущие фруктовые деревья вызывали волнующие состояния сложных и различных процессов в душе. Зеленые клены, тополя, другие деревья и некоторые полевые цветы типа одуванчиков и куриной слепоты преображали улицу и дворы, скрашивая их унылый вид. Зола от сгоревшего угля, которой зимой жители улицы щедро посыпали пешеходную дорогу, борясь с грязью, весной постепенно смешивалась с обычной пылью и грязью, дорога твердела и приобретала равномерную красно-сероватую окраску. Ночью, при свете одного фонаря, отбрасывавшего размытые тени от деревьев на несколько халуп, расположенных **размытые напротив деревьев, приводили в ребячьей душе к возникновению волнений,** порождавших фантастические мечты и образы.

Редкие прохожие отваживались проходить в ночное время по нашей неосвещенной и зловеще темной улице, в то не спокойное время. А я, понимая, что никому не нужен, смело в одиночестве, если не было других ребят, расхаживал по улице в ночные часы.

Любовь

Одно из немногих светлых чувств, которые я пронес, через все годы моей жизни была любовь. Совершенно неожиданно тебе начинала нравиться одна из огромного числа симпатичных девочек в школе, скажем Нина. Ты вдруг начинаешь осознавать, что тебе хочется на нее смотреть. И смотрел бы, не отрываясь на нее, если бы это было возможно. Поэтому, почему-то стыдясь этого чувства, ты наоборот стараешься избегать даже взгляда в ее сторону. А смотреть и любоваться очень хотелось.

Мы вырастали, и многие из нас так и не начинали ухаживать за детской любовью, предаваясь мечтам о случаях, где мы могли спасти свою любовь от бандитов или еще от кого-нибудь и, взглянув в ее глаза, взять ее за руки. Была ли надежда на взаимность. Не знаю. Только один случай был у меня в зрелом возрасте, когда я встретил девочку, которая мне нравилась в те далекие годы, и она призналась мне, что я ей тогда нравился тоже.

Какие чувства охватывали меня? Они были неуправляемы эти чувства, и я боролся с ними, как мог. Глядя на современных двенадцатилетних «мужчин» и «женщин», познавших все прелести и таинства любви, я часто думаю, что, если бы можно было бы совместить времена, эти малолетние профессора могли бы многому научить бывших и ставших уже старыми, а тогда **тринадцатилетних-семнадцатилетних** юношей и девушек прошлых лет. Да, жизнь быстро прогрессирует во всем, но только не в культуре, в которой наблюдается процесс обратный прогрессу.

Попытки осмыслить жизнь. Смешение времен

В детстве, когда мне было шесть-восемь лет, у меня иногда возникали галлюцинации:

Огромный багровый свет. На фоне этого света красный по форме предмет, напоминающий шнек мясорубки. И этот шнек вращается в пространстве, и какое-то неприятнейшее чувство, не поддающейся описанию неровности кривизны непонятной мягкой материи, которая у меня в руках и которая вызывает неприятнейшие ощущения у меня именно своей какой-то мягкой и неприятной кривизной.

Я пытаюсь отогнать это чувство. Но оно не уходит, а наоборот, полностью завладевает мною. Испуганные мать и отец пытаются выяснить, что я ощущаю. Но тогда, как и теперь я не могу описать те чувства, ощущения и состояние, в которые я был насильно погружен. Эти чувства и ощущения не относились к предметам и ощущениям реальной жизни, и даже сейчас я не могу точно описать их. Через некоторое время это крайне неприятное ощущение покидало меня, это состояние какой-то иррациональности исчезало, и я с чувством человека, избежавшего катастрофы, возвращался к нормальным ощущениям.

Радость появившихся нормальных ощущений сопровождалось счастьем ощущать жизнь в привычных формах и красках. Это было настоящим счастьем. И я ощутил еще в детстве тонкую грань между настоящей жизнью и болезненной призрачной формой существованием в теле жизни, являющейся возможно преддверием смерти.

Я всегда ощущал возврат к жизни, как подарок высшим существом, принявшим решение отложить момент моей смерти на более позднее время.

Различные слухи об убийствах, и частые случаи убийств людей в мои юные годы, чтение книг типа «Маленький оборвыш», приводили к тяжелейшим сновидениям, в которых меня убивали. Я падал на мертвые тела и продолжал к своему удивлению ощущать, что я, несмотря на смерть, продолжаю чувствовать и ощущать себя. Это ощущение неполноты собственной смерти приводило к каким-то усилиям, которые я делал во сне, после чего с облегчением, что мое убийство и смерть были не наяву, я просыпался. Наступало опять ощущение счастья, что я жив и смерть и на этот раз была только во сне.

Чтобы разогнать мрачный сон, я вскакивал с кровати, и, если уже наступило утро бежал на улицу. Если было лето, и был кто-нибудь из друзей на улице, мы отправлялись в город, а вернее на центральную улицу, которая и была городом. Если там мы встречали нищих, я готов был подать милостыню каждому нищему, настолько жалок был их вид, в отличие от меня, который избежал смерти. Но денег у нас не было и, побродив по улице, мы возвращались домой. Я окончательно выздоравливал от сна, и жизнь возвращалась ко мне.

С удивлением обнаруживаю, что на вопросы, которые меня одолевали в детстве и юности, я, прожив жизнь, так и не нашел на них ответов. Еще в школе стало ясно, что жизнь приняла отвратительные формы во всем мире, потому что наш земной шар населен в основном ничтожествами и по-прежнему первобытными людьми. Жадность, зависть, воровство различных видов и форм, коррупция, тупость и крайние формы идиотизма, садизм, ложь, наглость, животные инстинкты и т. п. по-прежнему являются основной движущем силом всех обществ в мире.

В то же время я не мог объяснить себе появление человека в мире эволюционным путем. Человек во всей его мерзости продолжал эволюционировать в худшую сторону. Теория Дарвина до сих пор вызывает у меня улыбку. И, если что-то эволюционировало в культуре, то это массовость, разнообразие и организованность убийств людей в невиданных доселе масштабах. Обоснование необходимости осуществления этих убийств людьми-вождями, неспособными даже к примитивным способам труда, их недоразвитость, и нашедшая широкий отклик и любовь именно к этой недоразвитости у толпы, именуемой народными массами.

– Где я был до сих пор? – спрашивал я себя. – И почему для меня только начинается осознание и осмысление жизни, а до этого жизнь для меня существует только в виде истории? И почему эта жизнь для меня теперь уже никогда не исчезнет и не умрет после смерти, а даже наоборот должна стать более осмысленной и счастливой? Почему для этого надо умереть? И чем жизнь будет заполнена, если существование станет бестелесным? И что будут делать бывшие преступники всех мастей и правители, которым будут прощены грехи. Опять возьмутся за старое, овладев каким-либо еще одним новым способом убийств и истязаний уже мертвых людей.

Похоже, что это уже происходит с незапамятных времен. Служители культа, не познавшие радости познания даже в зачаточном состоянии, будут опять пояснять смысл, теперь уже новой жизни всем. Мерзость и гадость опять будут учить всех?

Меня всегда потрясали масштабы бессовестности учителей жизни и различные прожектеры в любой упаковке: демократической, авторитарной, левой, правой, кривой и горбатой ориентаций, выливающие помои бреда на толпу. Если все они верят в то, что они говорят, то их надо лечить, как душевнобольных. А, если они не верят, то сажать за обман в огромных масштабах. И все это приводит периодически к выборам, на которые отправляется толпа, каждый отдельный индивидуум которой не способен мыслить и, как следствие этого, принимать осмысленные решения.

Все понимают, что отдельный человек является в подавляющем числе случаев как интеллект бесконечно малой величиной. Но сумма бесконечного числа бесконечно малых величин может стремиться к пределу **или** быть тоже бесконечно малой величиной. Мне было непонятно тогда и теперь, почему народу приписывают мудрость, а не глупость, которая прекрасно характеризует интеллект толпы. И именно этот вывод нашел экспериментальное подтверждение в жизни всем ходом истории.

Спроси у верующего, что он будет делать на том свете. Некоторые, как Растропович, собирались поболтать со своим знакомым. А потом? Опять болтать? Все это придуманное лежит за рамками элементарной логики и вызвано фантазией человека. Зачем убивать, чтобы потом воскрешать? И весь этот сонм умерших людей воскрешать? И что они будут делать, такое большое число индивидуумов на Земле? Молиться с утра до вечера? Богу станет скучно.

Я вспомнил эпизод из фильма «Новый Робинзон». Главный герой предлагает Робинзону, который в фильме является девушкой, начать носить трусы.

– А как я буду делать пи-пи? – спрашивает Робинзон.

– Ты снимешь их перед тем, как будешь делать пи-пи, – дает мудрый совет герой фильма.

– Тогда зачем их надевать? – парирует девушка-Робинзон.

По моему глубокому убеждению, есть высшее начало, которое создало нас для каких-то собственных целей. Но, к сожалению, дальше этого места у меня ничего не идет. Я наблюдал проявления действия сил невидимого мною мира. Это действие сил не описывается известными законами физики. Но эти действия, если хотите знать, действия сил и полей неизвестной нам природы. Они вступают с нами в контакты эти духи и играются с нами в наши игры, не давая нам ни малейшего шанса познать их. Мы живем в одном из миров, созданных для нас, высшим началом. Этот мир подчиняется определенным законам. Мы лишены способности уметь строго проанализировать любую жизненную ситуацию. Мы принимаем решения в соответствии со своими чувствами, а вернее инстинктами. В результате в мире нет ничего осознанного по-настоящему и разумного. Одни лишь чувства и врожденные инстинкты.

Со временем притупляются одни чувства и инстинкты, и возникают другие, доминирующие над нами, чувства. Они вновь порабощают человека. Со стороны говорят:

– Ты посмотри, как он изменился! – а человек как был глуп, так и остался, а может быть, в зависимости от победивших в нем чувств, немного внешне стал умнее. Но разум его в развитии не преуспел и на самом деле прогресс, если он есть, незначителен. Он по-прежнему

руководствуется, в основном, чувствами и инстинктами. К этому примешивается честолюбие, которое тормозит работу разума.

Из-за честолюбия, желая утвердиться, человек совершает глупые поступки, ухудшает и без того свой плохой характер, а все инстинкты направляет на подчинение разума честолюбию, в большинстве случаев тоже глупому.

Я помню, как у нас в классе учитель по математике пытался индивидуально работать с более сильными учениками, задавая им персонально более трудные задачи. Один из учеников, совершенно неспособный решать не только эти задачи, но и более легкие, тем не менее, вел себя амбициозно и, что есть силы, пытался, как говорят, пустить пыль в глаза.

Когда я приходил на занятия, он спрашивал меня, решил ли я задачу? Я отвечал утвердительно. Тогда он просил показать решение задачи, убеждая меня, что его не будет в числе тех, кто заявит учителю, что решил задачу. Я давал ему посмотреть решение задачи, поясняя ход решения, или отдельные места. Когда приходил учитель и спрашивал, кто решил задачу дома, он первым моментально поднимал руку. И так было каждый раз.

Тогда я называл все это инстинктом казаться умным. Но потом я понял, что это сложнее, чем то, что я себе представлял. А само поведение человека является следствием переплетения различных примитивных инстинктов. И на самом деле человек не властен управлять своими инстинктами. Скорее наоборот: они управляют человеком, создавая иллюзию самостоятельности.

В большинстве случаев инстинкты определяют поведение человека в разных ситуациях, заставляя его **совершать одни** и те же ошибки; принимать решения, которые сам человек не в состоянии даже разумно объяснить. Мы как бы являемся (каждый из нас) частным решением какой-то одной заданной задачи с жестко наложенными на нас уже при рождении начальными и граничными условиями, которые на всю оставшуюся жизнь определят мотивы нашего поведения и, как следствие из них, наши поступки.

Человек рождается, и с момента, когда он начинает мыслить, как ему кажется самостоятельно, возникает один и тот же вопрос о смысле жизни и о состоянии, в которое человек погружается после смерти. И стоя у края могилы, человек констатирует, что еще более не в состоянии ответить на этот вопрос, чем в начале жизни. Он не продвинулся за всю свою жизнь ни на один сантиметр в ответе на эти вопросы.

Бывшие в молодости еще сильными, инстинкты теперь увяли, и стало ясно, что все в жизни какая-то игра, какой-то круговорот и фантасмагория, и не более. Возникает знакомое с детства состояние приближающейся смерти. По-прежнему не поддается описанию этот комплекс ощущений, который накатывается на всего тебя. У некоторых это состояние порождает фантазии и веру в жизнь после смерти. И это является следствием того, что человеку трудно свыкнуться с любыми формами бытия без его личного присутствия.

Я почему-то вспомнил еще одного соученика. В школе он не мог решить задачу в один вопрос и мучился, сердясь, что условия задачи сформулированы неясно. Я встретил его через много лет после окончания школы. Разговорились. Он стал управляющим большого объединения. Пожаловался мне, что хотел заняться наукой – сопроматом, но вот жизнь засосала. Теперь к науке он, скорее всего, не вернется.

Мне стало, искренне, его жаль, как и саму науку. Я всех и все жалею, включая неодушевленные предметы. Мы пожали друг другу руки и расстались. На прощание он предложил мне не стесняться, если что надо и обращаться к нему. Я шел и размышлял о честолюбии и инстинктах человека, пытаясь во всем этом разобраться.

От автора

Я писал все это в йом-кипур, может быть последний в моей жизни. Самое удивительное было то, что то, что я действительно хотел написать, ускользало от меня в последний момент, и вместо него я написал это. У меня возникали картины перестроечного и после перестроечного времен в СССР и Израиле.

Создание демократического хаоса теми, кто запустил небывалые в истории механизмы воровства в невиданных до этого в мире масштабах в такой огромной стране, как СССР, а затем, ставшей приемником СССР – России.

Потные лица гениальных воров небывалых масштабов, многие из которых были весьма либерально или даже демократично настроены.

Я увидел: народ, который жаждал перемен и не терял надежд на лучшую жизнь, и которого в очередной раз с большим размахом надули; а также лица правителей нового времени уверенно декларировавших провальную политику, и мне было не ясно, являются ли эти новые политики прохвостами высшей пробы или, невиданными до этих славных времен, суперидиотами. Я услышал мольбу одного из великих демократов нового времени, просившего дать ему 500 дней, чтобы перевернуть Россию.

Мне было непонятно, серьезно ли он верит в ерунду, которую он несет и, которая больше говорила о полном незнании им России. Вполне возможно, что он свалился на Россию с небес, и не ведал, что говорит. Промелькнули перед моими глазами, первая и вторая форма хозрасчетов – бредовый детский лепет человека от экономики в ранге академика, какой-то набор рож и хаотичных мыслей, крутящихся в каком-то вихре.

Среди всего этого бедлама стоял высокий человек и, обращаясь к народным массам, говорил уверенным голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.